

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков и прикладной
лингвистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ О.В. Магировская

« ____ » _____ 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.02 Лингвистика

СПЕЦИФИКА СЕМИОТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНКРЕТНЫХ И АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ

Научный руководитель _____ ст. преп. каф. ТГРЯиПЛ
Е.С. Привалихина

Выпускник _____ А.А. Артемьева

Нормоконтролёр _____ А.А. Струзик

Красноярск 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	7
1.1. История происхождения и развития жестовых языков, их характеристики	7
1.1.1. Русский жестовый язык (РЖЯ).....	12
1.1.2. Французский жестовый язык (ФЖЯ)	15
1.2. Жестовый язык как особая семиотическая система	16
1.2.1. Семиозис и семиотические аспекты языков	18
1.2.2. Исследования в области семиотики жестовых языков и их иконичность.....	20
1.3. Современные междисциплинарные исследования жестовых языков	22
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	27
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА СЕМИОТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНКРЕТНЫХ И АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ.....	29
2.1. Репрезентация жестов конкретных существительных	30
2.1.1. Группа жестов конкретных существительных репрезентации действия.....	31
2.1.2. Группа жестов конкретных существительных репрезентации визуального образа.....	35
2.1.3. Группа жестов конкретных существительных репрезентации действия и визуального образа.....	39
2.1.4. Жесты конкретных существительных вне представленных групп .	42
2.2. Репрезентация жестов абстрактных существительных	45
2.2.1. Группа жестов абстрактных существительных репрезентации действия.....	46
2.2.2. Группа жестов абстрактных существительных репрезентации локализации	52
2.2.3. Жесты абстрактных существительных вне представленных групп	57
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	64
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	69

ВВЕДЕНИЕ

В мире живет много людей с полной или частичной потерей слуха, а также тех, кто имеет проблемы с нарушением речевого аппарата. Определить точное число глухих невозможно, так как в статистике не учтены случаи потери слуха в результате других сопутствующих заболеваний [Kulikova, Shatokhina, 2020: 297]. Глухие и слабослышащие не могут пользоваться стандартным звуковым языком так, как им пользуются слышащие люди, но им необходимо полноценное взаимодействие с обществом. Знание письменности звукового варианта родного языка способствует социализации людей с данной особенностью развития, но не может заменить полноценную коммуникацию. Эту роль берет на себя жестовый язык, который выступает другой семиотической системой, отличной от звукового языка. Жестовые языки носят национальный характер и различаются от страны к стране.

В наше время научных работ, которые освещают проблему жестовых языков, еще не так много, но постепенно их число становится больше, в том числе и о русском и французском жестовых языках. Потенциально жестовые языки стоят на одном уровне со звучащими языками по коммуникативным возможностям, что является своего рода толчком к их изучению [Беликов, 1990: 153]. Следовательно, в настоящее время они начинают рассматриваться наукой с разных точек зрения.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной представленностью лингвистических исследований по жестовым языкам, в особенности, в области семиотического подхода. Более того, данное исследование значительно повышает осведомленность о проблеме жестовых языков, как научного сообщества, так и всех интересующихся данными семиотическими системами, об их структуре, лингвистической системе, диалектах, специфике с целью изучения в будущем.

Объектом исследования является жестовый язык как особая семиотическая система.

Предметом исследования являются отдельные жесты, обозначающие конкретные и абстрактные существительные в русском и французском жестовых языках.

Целью данного исследования является выявление специфики в семиотической репрезентации конкретных и абстрактных существительных в русском и французском жестовых языках. Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Представить историю изучения жестовых языков, их основные характеристики и особенности русского и французского жестовых языков;
2. Раскрыть понятия семиотики, семиозиса и основных семиотических концепций в преломлении исследований по жестовым языкам;
3. Определить список конкретных и абстрактных существительных, которые станут объектом исследования;
4. Произвести выборку жестовых представлений этих слов в двух жестовых языках и провести их сравнительно-сопоставительный анализ;
5. Описать специфику семиотической репрезентации конкретных и абстрактных существительных в русском и французском жестовых языках.

В ходе работы применялись следующие **методы исследования**: мультимодальный анализ, теоретический анализ, систематизация, сравнительно-сопоставительный анализ, метод наблюдения, описательный метод, формально-структурный анализ, компонентный анализ.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в рамках вузовских курсов по семиотике и теории коммуникации.

Материалы исследования включают в себя французские и русские видео-словари с исполнением жестов, такие как *Spread the sign* [Spread the sign: URL], *Le DicoElix* [Le DicoElix: URL], каналы *YouTube* “*ARK MEDIA*” [ARK MEDIA: URL], “*Nos mains ont la parole*” [Nos mains ont la parole: URL].

Перед началом исследования была сформулирована **гипотеза** об уровне иконичности жестовых репрезентаций конкретных и абстрактных

существительных. Так, жесты конкретных существительных в большинстве своем иконичны, а жесты абстрактных существительных более произвольны, что затрудняет процесс их дешифрования.

Теоретической базой исследования послужили работы в области изучения жестовых языков: Г.Л. Зайцевой, У. Стоуки, Л.В. Куликовой, О.В. Магировской и Л.С. Выготского; в области семиотики: Ч.С. Пирса, Ю.М. Лотмана и Ю.С. Степанова; в междисциплинарных областях: Т. Руссо, С. Тауб, Ш. Вилкокса, К. Оккино и К. Эмморэй.

Краткое содержание: структура работы обусловлена ее содержанием.

Во введении изложены краткое содержание темы, ее актуальность и научная новизна, цель, задачи, объект и предмет исследования, материал и методы исследования, его практическая значимость и теоретическая база.

Первая глава «Теоретические основы изучения русского и французского жестовых языков в семиотическом аспекте» посвящена теоретическому описанию происхождения и истории жестовых языков, а также научным исследованиям, на материале жестовых языков, в частности в области семиотики. Глава состоит из 3 параграфов. В **параграфе 1.1.** «История происхождения и развития жестовых языков, их характеристики» описывается история и развитие жестовых языков, зарождение лингвистического интереса к данным семиотическим системам, появление первых школ, научных исследований. Также более подробно в соответствующих подпараграфах рассмотрены русский и французский жестовые языки. В **параграфе 1.2.** «Жестовый язык как особая семиотическая система» даны определения семиотики, семиозиса и семиотических аспектов языка, а также описания некоторых исследований жестовых языков в области семиотики. В **параграфе 1.3.** «Современные междисциплинарные исследования жестовых языков» представлены некоторые исследования жестовых языков в таких междисциплинарных областях как когнитивная лингвистика и нейробиология и то, как эти

исследования помогают лучше понять природу жестового языка и его специфику.

Вторая глава «Специфика семиотической репрезентации конкретных и абстрактных существительных в русском и французском жестовых языках» посвящена сравнительно-сопоставительному анализу 40 жестов (20 русских и 20 французских эквивалентов) конкретных и абстрактных существительных и выявлению их специфики.

В заключении обобщаются результаты проведенного анализа, их соотношение с общей целью и конкретными задачами, поставленными во введении, и намечаются перспективы дальнейшего изучения рассматриваемых в работе проблем. В списке использованной литературы представлен 61 источник.

Апробация результатов исследования. Основные положения данного исследования были представлены на XV международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета в г. Красноярск в 2023 г.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ В СЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1.1. История происхождения и развития жестовых языков, их характеристики

Перед анализом непосредственно русского и французского жестовых языков необходимо рассмотреть историю появления жестовых языков, почему они появились и как они развивались.

Жестовыми языками пользуются люди с нарушением слухового аппарата по всему миру. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, около 336 миллионов человек во всем мире страдают от проблем с нарушением слуха. Это примерно 5% всего населения Земли. Тех, кто не слышит совсем – около 70 миллионов человек, что составляет 0,1% всего населения. Конечно, нельзя с точностью сказать о количестве глухих в мире, так как в статистике не отмечены случаи, когда глухота была приобретена в результате других протекающих заболеваний. Также существуют данные, которые тоже не являются точными, что в мире существует около 144 жестовых языков, которыми активно пользуются люди с нарушением слуха [Kulikova, Shatokhina, 2020: 297].

В исследованиях учёных говорится о том, что жестовый язык не является универсальным языком общения для людей с нарушениями слухового аппарата. Как и звучащие языки, каждая страна обладает своим жестовым языком, он имеет национальный характер. Более того он имеет сильную региональную вариативность в пределах одной страны [Magirovskaya, Privalikhina, 2020: 1929]. Причинами тому становятся большая территория страны и удаленность друг от друга сообществ глухих, а также

наличие диалектов звучащего языка, что отражается на вариантах жестового языка.

Кроме того, жестовые языки отличаются между собой и по другим параметрам. Так, глухота может быть не только врожденной, но и приобретенной, поэтому жестовые языки делятся на те, которые созданы для обучения с рождения, и те, которыми пользуются люди с приобретенной глухотой. С одной стороны, жестовый язык для людей с врожденными дефектами обладает своей собственной грамматикой, отличной от грамматики звукового языка, а их картина мира формируется на основе визуально-кинестической модели восприятия. С другой, жестовый язык для людей с приобретенной глухотой, которые до этого пользовались звучащим языком, является своего рода кодированием звукового языка и использует его грамматический строй [Борисова, 2016: 67].

Очень долгое время жестовые языки игнорировались и не подвергались изучению, из-за чего они развивались изолированно. Причиной тому могут быть сложность изучения данных языков и их невысокий социальный статус [Раренко, 2021: 85]. Более того, в некоторых странах к людям с такой особенностью здоровья относились с осторожностью, считая ненормальными и безъязыкими, заставляя их общаться устно, не используя жесты [Зайцева, цит. по: Magirovskaya et al., 2020: 1928]. Также не был выработан один общий жестовый язык, что являлось препятствием для глухих людей во взаимодействии друг с другом. В настоящее время ситуация изменилась в лучшую сторону и к этим языкам стало проявляться больше внимания. Языки очень сложные знаковые системы и они постоянно претерпевают изменения. В них появляются новые слова, выражения, что-то наоборот утрачивает актуальность. Также меняются и грамматические формы. Все эти изменения происходят и в жестовых языках, что и делает необходимым их внимательное изучение.

Научное сообщество также пытается решить проблему происхождения жестовых языков. Они приходят к выводу, что жестовые языки, возможно,

предшествовали словесным. И действительно, жестовые языки впервые появились еще в древние времена, когда речевой аппарат людей не был разработан. Из истории языкознания можно вспомнить о трудовой теории возникновения языка, когда первобытные люди начали совместную трудовую деятельность и со временем они были вынуждены издавать какие-либо звуки, сигнализирующие к действию, но до этого они пользовались лишь жестами, которые имели для них определенное, понятное для всех значение [Донских, 1984: 100].

Национальные жестовые языки начали активно развиваться в XVIII веке, когда количество глухих людей, проживающих в больших городах начало увеличиваться. Первые учебно-воспитательные центры для детей с нарушениями слуха начали появляться во Франции (под руководством Шарля Мишеля де л'Эпе) и Германии (под руководством Самуэля Гейнике) в конце XVIII века [Галиева, Науразбаева, 2020: 2]. В первую очередь дети обучались письменной речи. Вскоре возникли первые жестовые интерпретации французского и немецкого языков.

Последовав примеру Франции и Германии, в других странах тоже начали появляться учебные заведения для детей с нарушением слухового аппарата. Там использовались методики, сурдопедагогические концепции французских и немецких учителей, в том числе заимствовались и их жестовые языки. Это объясняет сходство, например, американского жестового языка с французским, и отличие его от британского жестового языка, несмотря на то, что обе страны имеют один словесный язык. Так британцы вряд ли поймут американцев, в то время как коммуникация с жителями Австралии и Новой Зеландии пройдет легко, потому что жестовые языки австралийцев и новозеландцев происходят от британского и используют один и тот же алфавит [Валдавина и др., 2018: 39].

Начало научного интереса к жестовым языкам и их лингвистическому исследованию приходится на 60-е годы XX века в США. Тогда была опубликована первая работа на эту тему профессором Уильямом Стоуки,

который стал одним из первых исследователей этой темы. Работа получила название «Структура жестового языка» (оригинальное название “*Sign language of the American deaf*”, 1960) [Stokoe, 1960: 2]. Благодаря этой работе были заложены основы для изучения жестовых языков и рассмотрения их как одного из способов коммуникации в современном обществе. Кроме того, это стимулировало исследователей из разных стран начать изучение и описание национальных вариантов жестовых языков.

Так же существует единый жестовый язык. Он был установлен в 1975 году на мировом конгрессе глухих Всемирной Федерацией глухих, он получил название «жестуно». Он стал той знаковой системой, которая смогла объединить глухих по всему миру. В его основу легла система американского жестового языка. Благодаря ему стало возможным общение глухих на фестивалях, форумах и на таких мероприятиях как Сурдолимпийские игры или научные конференции, ведь раньше, когда не было жестуно, приходилось приглашать переводчиков с одного жестового языка на другой. Границы между глухими из разных стран стерлись. Словарь жестуно включает в себя около 1500 жестов из разных жестовых языков [Галиева, Науразбаева, 2020: 4]. У жестуно имеется недостаток – отсутствие грамматики: «Глухие выстраивают жесты или по законам национального языка, или следуя грамматике английского языка. И в том и в другом случае коммуникация между глухими из разных стран затруднена» [Зайцева, цит. по Раренко, 2021: 6].

Существует понятие калькирующей жестовой речи (КЖР) – системы общения, в которой жестами сопровождается устная речь говорящего. Калькирование – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей их лексическими соответствиями в переводящем языке. То есть то, что произносится в словесном языке, переводится на жестовый язык, для абсолютного понимания глухими содержания речи. Причин возникновения калькирующего жестового языка – желание глухих использовать словесный язык для передачи мыслей между собой. На самом

деле, жестовый язык и калькирующий жестовый язык практически никогда не используются раздельно. Глухие чаще всего общаются именно на смеси этих языков, так как, каким бы хорошим не было понимание словесного языка, понять абсолютно всё сказанное, читая с губ, невозможно. Использование жестов облегчает эту задачу [Зайцева 2000: 9].

Жестовые языки значительно отличаются от словесных языков. Если в речи мы можем объяснить какое-то явление одним единственным словом, то в жестовых языках важно знать контекст. Так, например, в русском словесном языке глагол «идти» может быть использован как по отношению к времени, так и к человеку или же дождю, у нас нет необходимости в использовании трех разных слов для этого. В жестовом же языке это слово наоборот требует трех разных жестов, иначе у собеседника будут трудности в понимании того, что до него хотят донести. Также некоторые синонимичные понятия очень часто обозначаются одним и тем же жестом. Мимика, артикуляция и т.д. имеют большее значение в жестовых языках, нежели в языках словесных, так как они уточняют и дополняют жесты, помогают лучше выражать чувства и настроение [Гейльман, 1957: 230].

Не у каждого слова в жестовом языке есть свой жест. Глухие тоже используют в своей речи неологизмы, имена, названия населенных пунктов и других географических объектов. Такие слова исполняются в речи побуквенно, т.е. слово состоит из нескольких жестов, каждый из которых принадлежит той или иной букве, воспроизводится орфографическая форма слова. Из этих жестов и образовалась дактильная азбука – специальная азбука жестов, а воспроизведение орфографической формы слова получило название «дактилология» (пальцевая азбука). Термин «дактилология» имеет греческое происхождение и является соединением слов *dactilos* – палец и *logos* – слово, учение. Этот термин с большой точностью отражает природу и специфику данного средства общения: слово, обозначенное пальцами. У каждого национального жестового языка дактильная азбука своя. Точный период происхождения дактилологии неизвестен, но вероятно первые данные

о дактильном алфавите относятся к XVI веку. Жесты, используемые для обозначения букв, не были придуманы просто так, в их основе лежат такие конфигурации рук и пальцев, что дактилемы, так или иначе, напоминают буквы [Wilcox, 1992: 12].

Таким образом, полная история эпохи жестовых языков довольно сложна и зависит от языка и региона мира, в котором этот язык используется. Со временем интерес к жестовым языкам повышается, что ведет к появлению работ учёных со всего мира, в которых они рассматривают их с разных сторон. Ознакомившись с историей изучения жестовых языков и их основных характеристик, следует перейти к описанию исследований на материалах русского и французского национальных жестовых языков.

1.1.1. Русский жестовый язык (РЖЯ)

Русский жестовый язык развивался на основе системы французского жестового языка, так же как и фламандский, нидерландский, американский, бразильский и т.д., поэтому между ними очень много общего. Возникновение и полноценное развитие РЖЯ относится к XIX веку. Первые сурдопедагогические школы были открыты не сразу и долгое время глухие дети получали образование и воспитывались в монастырях, где для обучения использовалось сочетание жестового и словесного языков.

Первая научная работа о русском жестовом языке принадлежит директору Петербургского училища и сурдопедагогу В.И. Флэри. Его книга «Глухонемые» была выпущена в 1835 году, и в ней давалось лексическое и лексикографическое описание РЖЯ. Более того, она включала в себя самый первый словарь русского жестового языка, состоявший из тех жестов, которые В.И. Флэри собирал непосредственно у глухонемых [Флэри, 1835: 8]. Он описывает глухонемых, то, как их особенность влияет на развитие

умственных способностей, как возник мимический язык и как помогает пантомима выражать свои желания.

Следующим своё научное исследование после В.И. Флёри выпустил выдающийся сурдопедагог Н.М. Лаговский. Он изучал формы жестового языка, какие жесты появлялись естественно, а какие искусственно. Его мнение о грамматике жестового языка отличалось от мнения В.И. Флёри: он считал, что у жестового языка нет никаких грамматических правил. Со своими учениками он работал устным методом с использованием дактиля [Лаговский, 1931: 55]. Данный метод был очень распространен в то время и оказывал сильное влияние на качество образования глухих.

У методики Н.М. Лаговского имелись свои сторонники. Одним из них был Л.С. Выготский, русский психолог и дефектолог. Однако, его взгляды изменились, основываясь на личном практическом опыте. Он сделал вывод, что жестовый язык – это сложная лингвистическая система и весьма своеобразная. По его словам, вне этой системы развитие и обучение глухого ребенка невозможно [Выготский, 2021: 113]. Его идеи поддержали многие сурдопедагоги России, которые так же решили развить их в своих исследованиях. В очень многих работах подчеркивается одна и та же мысль, что грамматика жестового языка значительно отличается от грамматики русского словесного языка.

Огромный вклад в развитие жестового языка во второй половине XX века сделала Г.Л. Зайцева, исследователь в области культуры и истории глухих, доктор педагогических наук и профессор. Ею был разработан стандарт жестового языка и открыта первая билингвистическая гимназия для детей с нарушениями слухового аппарата в Москве в 1992 году. До этого времени в образовании преобладал устный подход к образованию глухих. В билингвической же гимназии дети обучались на русском жестовом языке, а также изучали британский жестовый язык, как обычные дети в обычных школах изучают британский английский язык. Благодаря исследованиям Зайцевой произошел огромный прогресс в области российской

сурдопедагогики, и до сих пор большинство педагогов применяют в своей работе её методические наработки, например, «понятие калькирующей жестовой речи» [Зайцева, 2000: 24].

Россия огромная страна, в которой проживают многие народы. Несмотря на то, что мы говорим на одном языке, в разных уголках страны существуют свои диалекты, из-за которых, например, житель юга не сможет понять некоторые слова и выражения жителя севера. Это не стало исключением и для жестовых языков, у которых также существуют диалекты, но информации о диалектах и региональных вариантах русского жестового языка крайне мало.

Однако существует исследование относительно хакасского диалекта русского жестового языка. Им занимались преподаватели Сибирского Федерального Университета О.В. Магировская, Е.С. Привалихина и В.С. Срмикян. В своем исследовании они доказали отличие хакасского РЖЯ от основного (московского) и других региональных жестовых языков [Magirovskaya et al., 2020: 1929]. Ими был разработан глоссарий основных лексических единиц РЖЯ и дальнейший анализ с фиксированием жестовых различий.

В настоящее время русским жестовым языком заинтересованы не только в России, но и за границей. Так, например, в университете Стэнфорда [Stanford University: URL] существует проект о русском жестовом языке, который рассматривает его особенности и черты, отличающие его от других жестовых языков и т.д.

Обобщая весь рассмотренный материал по теме истории и изучения РЖЯ, можно прийти к выводу, что этот жестовый язык представляет большой интерес для научного сообщества, так как еще многие отрасли, связанные с ним, не получили своего должного изучения. Более того, следует проводить исследования и относительно его связи с другими жестовыми языками. Так, например, русский и французский звучащие языки принадлежат разным языковым группам: славянской и романской. РЖЯ и

ФЖЯ наоборот относятся к одной языковой семье. Более того, РЖЯ не только родственен с ФЖЯ, но еще и развивался на основе системы и научных методик школы ФЖЯ.

1.1.2 Французский жестовый язык (ФЖЯ)

История французского жестового языка говорит о том, что жестовый язык был признан языком во Франции только в конце 1970-х годов, а до конца XVIII века о жизни глухих писали исключительно слышащие люди, так как они доминировали над глухими. Таким образом, мир не знал, что на самом деле чувствуют глухие люди, как живут, как общаются. Только в 1779 году Пьер Деслог стал первым глухим человеком, который написал книги о своей жизни и своем состоянии. И эта книга получила название «Наблюдение за глухонемым в рамках учебного курса для глухонемых» (оригинальное название *“Observation d'un sourd et muet sur un cours élémentaire d'éducation pour des sourds et muets”*) [Descours, 2011: 3]. В этой короткой книге автор хотел положить конец заблуждениям слышащих людей о людях глухонемых.

Уже в то время П. Деслог упоминает в своей работе Шарля-Мишеля Де л'Эпе, кого называют основоположником французского жестового языка, но это не совсем так. Жестовый язык существовал и до него, но именно ему посчастливилось первому наблюдать общение глухих посредством жестов. Именно Ш.-М. Де л'Эпе открыл первые во Франции учебно-воспитательные центры для глухих детей. Он пытался научить глухонемых понимать устную речь и даже читать вслух и писать. По его словам, у учеников даже получалось, хоть и многие слова вызывали затруднения, например, произношение дифтонгов [de L'Épée, 1776: 19-20]. Он выучил жестовый язык, исправляя в нем несовершенства, и создал методические правила. Ш.М. Де л'Эпе понимал, что его методы не совершенны, но он не боялся делиться ими во благо и поэтому именно система французского жестового языка в итоге стала своего рода базой для становления многих других

жестовых языков. Именно по французской методике Ш.-М. Де л'Эпе работали многие школы для глухонемых по всему миру.

В современной Франции жестовым языкам уделяется намного больше внимания, чем раньше. В начале XXI века большие исследования на эту тему проводил французский лингвист К. Кюксак. Он находится в тесном контакте с сообществом глухих, начиная с 1975 года, и, поэтому, его исследования затрагивают эту тему до мелочей. В своей двухтомной книге *“La langue des signes française (LSF): les voies de l'iconocité”* описывает знаковый характер французского жестового языка и теоретические основы, благодаря которым в дальнейшем можно провести лингвистический анализ его функционирования [Сухас, 2000: 31-62].

Также имеют место быть исследования жестового языка в рамках психолингвистики. Так в статье Ф. Грожана затронут вопрос о том, какие психологические процессы и механизмы происходят в мозгу человека при общении на жестовых языках, как им воспринимается данная речь. На самом деле это очень сложная работа для мозга – использовать полученную информацию из жестов собеседника, правильно интерпретировать ее и затем выбрать нужные для ответа жесты [Grosjean, 1979: 36].

В современной Франции люди с разнообразными нарушениями слухового аппарата продолжают быть активными членами общества наравне с абсолютно здоровыми людьми, в то время как здоровые люди с интересом относятся к истории жизни глухих и изучают различные аспекты данной проблемы, а также жестовый язык для успешной коммуникации.

1.2. Жестовый язык как особая семиотическая система

В мире жестовых языков важны жесты, позы, мимика, и необходимо правильно интерпретировать эти знаки в процессе коммуникации, чтобы ни у кого не возникло вопросов и затруднений в их понимании.

Наука, которая изучает знаковые системы и свойства знаков, называется семиотикой или же семиологией. Она ставит своей целью создание общей теории знаков, причем во всех их проявлениях и формах: как у человека, так и у животных, как в норме, так и в патологии, как в языке, так и вне его [Степанов, 1983: 118]. Первые учёные, которые стали основоположниками семиотики как науки – Фердинанд де Соссюр и Чарльз Сандерс Пирс. В основе традиции Ф. де Соссюра лежит антиномия языка и речи, а у Ч. Пирса знак является первоэлементом всякой семиотической системы [Лотман, 1992: 11].

Теория Ф. де Соссюра заключается в том, что знак состоит из двух понятий – означающего и означаемого, где означающее – это то, что мы видим или слышим, а означаемое – наша собственная интерпретация означающего. Знак же является посредником между этими двумя понятиями, создавая между ними внутреннюю ассоциативную связь и устанавливая внешнюю систему различий [Соссюр, 2000: 199]. Опираясь на исследования Ф. де Соссюра, четко понятие о предмете изучения семиотики выразил советский лингвист И.И. Ревзин: «Предметом семиотики является любой объект, поддающийся средствам лингвистического описания» [Ревзин, 1977: 35]

Семиотика в изучении Ч. Пирса более радикальна, хоть так же, как и у Ф. де Соссюра, рассматривает знак как элемент синтеза. Если Ф. де Соссюр говорит о том, что означающее совершенно не мотивировано по отношению к означаемому, т.е. ассоциация между ними пуста, то Ч. Пирс утверждает обратное и вводит понятие основания знака, т.е. «наполняет» ассоциативную связь [Пирс, 2001; 11]. Так же Ч. Пирс стал тем, кто предложил разделить знаки по следующим категориям: знаки-символы, знаки-индексы и иконические знаки. Информацию, которую несут знаки-символы, мы должны заучить и знать наизусть, потому что иначе нам не будет ясно, что они хотят донести до нас. К ним относятся, например, огни светофора, флаги стран, дорожные знаки и т.д. Язык так же относится к этой категории, потому что

мы с детства заучиваем, что и как называется. Знаки-индексы несут в себе причины и следствия. Так, например мы понимаем, что, если мы видим дым, значит где-то огонь. Поэтому огонь является причиной появления дыма, который является следствием огня. Иконические же знаки похожи на то, для чего в принципе они и изображены. Сюда относятся и слова, которые имитируют звучание предмета, как, например, жужжать, пищать и т.д. и иероглифы, которые своим начертанием передают слово, которое обозначают, а так же карты, фотографии, картины и многое другое.

В семиотике существуют свои основные термины. Например, семиозис и семиотические аспекты языков. Следовательно, для более глубокого понимания темы семиотики, нужно рассмотреть эти термины и их связь с жестовыми языками соответственно.

1.2.1. Семиозис и семиотические аспекты языков

Семиозис – своеобразный процесс порождения и функционирования знаков, интерпретация их значений. Данный процесс является предметом исследований не только семиотики, философии, культурологии, но так же и информатики, юриспруденции и многих других наук.

Семиозис (или же знаковый процесс) рассматривается как пятичленное отношение, в котором есть знак, интерпретатор, интерпретанта, значение (сигнификация) и контекст, в котором встречается знак. Например, чтобы легче разобраться во всех этих составляющих, можно представить ситуацию, в которой пчела нашла нектар и, возвращаясь в улей, сообщает об этом другим пчелам, совершая «танец». В данном случае «танец» пчелы является знаком; пчелы, которые реагируют на танец – интерпретаторы; их предрасположенность на реакцию – интерпретанта; объекты, по отношению к которым пчелы реагируют определенным образом – значение знака; местонахождение улья – часть контекста [Степанов, 1983: 119].

Существует такое мнение, что в контексте семиозиса знак как нечто что не существует. У всего есть лишь функции быть знаком и процессом, в котором что-то становится знаком для другого. Семиозис – это бесконечное пространство, в котором нет ограничения интерпретациям и где невозможно рассчитать ни первый референт, ни последний знак.

Исследования Ч. Пирса в области семиотики и процесса семиозиса привели его к анализу структур простых суждений с отношениями. Благодаря этому он смог обосновать свою теорию некоторых категории и предложил рассматривать знаки с точки зрения трех видов отношений, которые складываются в процессе семиозиса. Эти отношения так же называются семиотическими аспектами языка.

Так, первым видом стало отношение знака к предмету. Ч. Моррис, который развил теорию Пирса обозначил этот вид как семантический уровень значения. Он рассматривает не только отношения между знаками и обозначаемыми объектами, но и отношения между значениями простых знаков и сложных знаков, составленных из простых.

Второй вид – отношение знака к другим знакам, участвующим в процессе семиозиса, то есть синтаксический уровень значения, его так же называют формальным. Под синтаксическим аспектом подразумевается раздел семиотики под названием синтаксис. Он изучает структуру языка: способы образования, связь между знаками и их преобразование. Он создает критерий определения принадлежности знаков к определенному языку и является своего рода общей грамматикой.

Третий – отношение к лицам, употребляющим данный знак, прагматический уровень значения. Прагматический аспект анализирует коммуникативную функцию языка, т.е. отношение носителя языка к языку. Прагматика исследует ту связь, которая создается между знаками и людьми, которые их создают и воспринимают [Моррис, 2001: 326].

Так, семиотика или же семиология ставит своей целью интерпретировать все знаки, которые фигурируют в нашей жизни, и

которыми мы пользуемся, будь то элементы речи, языка или просто какие-то изображения. Ученые-семиологи изучают то, по каким причинам мы именуем те или иные знаки определенным образом, какова связь между предметами и их наименованием и т.д.

В современном мире эти вопросы по-прежнему не теряют своей актуальности, следовательно, необходимо предоставить основные работы, рассматривающие жестовый язык как особую семиотическую систему

1.2.2. Исследования в области семиотики жестовых языков и их иконичность

На протяжении большей части XX века различные модели, которые предлагали для описания жестовых языков, основывались на иерархии: ядром языка считались только лексические единицы (т.е. стандартизированные по форме и значению знаки), тогда как знаковые иконические конструкции были отодвинуты на языковую границу, ближе к уровню жестикуляции и мимики [Caprici et al., 2022: 1]. В интересах учёных было преодолеть эту иерархию, используя различные подходы к решению этой проблемы.

Так, например, К. Кюксак предложил семиологический подход, в котором предложил начать описывать жестовые языки с иконичности, обращая внимание на лексические знаки, возникающие в результате одного и того же иконического и символического процесса. Он предполагает, что говорящий на жестовом языке, может рассказывать о чем-то, руководствуясь иллюстративным намерением, опираясь на визуальный образ предмета, воссоздаваемый в жесте [Сухас, Pizzuto, 2010: 39]. Благодаря этому жестовым языкам было предано дополнительное семиотическое измерение по сравнению с голосовыми языками. Другими словами, в жестовых языках роль знаков и их иконичность играют важнейшую роль, в отличие от языков, в которых используется звучащая речь.

В 2017 и 2018 годах Л.Н. Феррара совместно с Р.-П. Халворсен и Дж. Ходж применили к жестовым языкам теорию Х. Кларка об устной коммуникации [Clark, 1996: 198]. Эта же теория, в свою очередь, основана на основополагающих принципах категоризации семиотических знаков на символы, индексы и знаки, впервые предложенные Ч. Пирсом [Pierse, 1994: 47]. Опираясь на эти теории, учёные предложили модель, в которой уделяется внимание множеству семиотических способов выражения жестов, которые зависят от намерения говорящего на жестовом языке. Они утверждают, что каждый способ принципиально отличается от другого, и говорящие могут использовать их по отдельности или в комбинации [Ferrara, Halvorsen, 2017; Ferrara, Hodge, 2018].

В Индонезии в 2021 году учёными университета Хасануддина также было проведено исследование, основанное на семиотическом подходе Ч. Пирса. Их целью было изучить жесты французского жестового языка на тему «семья», а именно, сравнить жестовые исполнения с определениями слов, выявить связь между знаками и объектами и понять, насколько иконичны те или иные жесты [Romla et al., 2021: 125]. В результате исследования они пришли к выводам, что многие жесты на тему «семья» в когнитивной системе глухих людей имеют ассоциации с какими-то физическими характеристиками того или иного члена семьи, какова их роль в этой ячейке, какие действия характерны именно для них.

Иконичность жестов со временем уменьшается, изменения в истории делают их более произвольными [Frishberg, 1975: 701]. Знание значения жеста в большинстве случаев не позволяет предсказать, как именно он будет выглядеть; и наоборот, если мы видим жест, то не всегда сможем предсказать его значение. Более того, даже если жест иконичен, модификации с помощью грамматических процессов могут стереть эту иконичность, в результате чего понимание жеста может быть затруднено [Klima and Bellugi, 1979: 217]

Таким образом, жестовые языки представляют собой аутентичный материал, который позволит выявить новые семиотические закономерности.

Благодаря изучению семиотики в области жестовых языков становится очевидной важность изучения знаковой структуры языка на примере иконичности жестовых языков, знаки которых опираются на визуальную пространственную модальность. Жестовые языки также становятся предметом изучения многих других междисциплинарных областей, как, например, когнитивной лингвистики, дидактики, нейролингвистики и т.д. В рамках каждой из дисциплин рассматриваются разные аспекты жестовых языков. Следовательно, все исследования приносят свой собственный вклад в их изучение.

1.3. Современные междисциплинарные исследования жестовых языков

Жестовый язык в современной лингвистике выступает предметом исследований различных междисциплинарных областей. Эти исследования помогают глубже понять знаковую природу жестовых языков. Примером могут послужить такие работы в области когнитивной лингвистики и нейробиологии.

Возникновение когнитивной лингвистики в 1980-х гг. привело к возобновлению исследований аспектов жестовых языков, которым ранее не уделялось должного внимания. К ним применены новые когнитивные модели, такие как ментальное пространство – частичные совокупности, созданные в процессе мышления и общения, для целей локального понимания и действия. Они содержат элементы и структурированы фреймами и когнитивными моделями [Fauconnier, 1985: 1]; концептуальное смешение, которое работает с ментальными пространствами в качестве входных данных и помогает извлекать из них информацию, которой человек сможет пользоваться в дальнейшем [Fauconnier and Turner, 1996: 113].

Теорию концептуального смешения использовал в своем исследовании П. Дудис [Dudis, 2004: 225], чтобы описать уникальную конструкцию жестовых языков, которую он назвал «расщеплением тела». При

расщеплении часть тела жестикулирующего используется для представления одного персонажа рассказа, а вторая для изображения другого. Например, при рассказе о реакции человека, которого ударил по лицу другой человек, лицо переводчика жестового языка представляет человека, которого ударили, а рука и кулак представляют руку и кулак нападающего.

Важно отметить, что глухие люди воспринимают мир визуально, поэтому зрение концептуализируется ими как инструмент для разработки и преобразования знаний. Т.е. большинство информации в их когнитивных системах хранится визуально, что отражается в её жестовой репрезентации. Например, итальянский сурдолог Т. Руссо провёл исследование о том, как глухие дети учатся читать по-итальянски. Он отметил то, что перед чтением полного предложения они запоминают буквы, затем слова, связывая их со смыслом и визуальными характеристиками, что затем позволяет им понимать целые фразы. Руссо описывает это как фотографирование слов и хранение их копий в своем сознании, когнитивной системе [Russo, 2005: 339].

С. Тауб сделала вывод о том, что когнитивная фонология помогает объяснить, почему жестовые языки кажутся более иконичными по сравнению с разговорными языками [Taub, 2001: 200]. Форма жестовых языков – объекты (руки), движущиеся и взаимодействующие с другими объектами (руки, тело) в трехмерном пространстве – обеспечивает более богатую среду для отображения семантических ассоциаций на всех уровнях фонологической структуры. Для языка жестов кулак – это не только фонема (фонема S), это также кулак со всеми языковыми внешними ассоциациями, которые дает кулак (например, такие свойства, как округлость и компактность, функция удара и возможность служить человеку символом своего собственного кулака) [Wilcox and Occhino, 2017: 111].

Так же был проведен интересный эксперимент, который выявил, как жесты обрабатываются мозгом человека, использующего звучащий язык, и как тот же самый процесс проходит у человека, использующего жестовый язык. Учёными были сделаны выводы, что слышащими людьми жесты не

воспринимаются как язык, в то время как пожизненный опыт работы глухих с визуальным языком меняет их нейронную сеть. Мозг использует области обработки языка при анализе жестов, даже тех, которые распознаются как нелингвистические, что говорит о том, что жесты для них являются таким же языком, как и звучащие языки для слышащих.

Когнитивная лингвистика – это тот раздел лингвистики, который напрямую связан с человеком и его мыслительной деятельностью. Без участия человека, существование данной науки было бы невозможно. Жестовый язык, в свою очередь, выступает тем семиотическим отражением когнитивных процессов носителей жестовых языков, которое раньше находилось на периферии лингвистического интереса и нуждается в детальном и многоаспектном описании многих междисциплинарных областей знания.

Первые исследования жестовых языков в области нейробиологии относятся к 1960-2000 гг. Именно тогда было доказано, что жестовые языки являются естественными полноценными языками. Первые результаты заключали в себе вывод о том, что, как и звучащие языки, так и жестовые поддерживаются ключевыми областями левого полушария мозга. Это послужило толчком к продолжению изучения жестовых языков в рамках нейробиологии и выявления противоречий и направлений для будущих исследований [Emmorey, 2021: 1].

В 1980-х годах проходили исследования с участием носителей жестового языка. В одну группу были включены испытуемые с повреждением левого полушария мозга, а во вторую с повреждением правого. Было выявлено, что у представителей первой группы наблюдались нарушения в воспроизведении и восприятии жестов жестового языка, в то время как у людей из второй группы проявления афазии не наблюдалось [Poizner et al., 1987: 127]. Также был сделан вывод о том, что у нейротипичных людей (соответствующих статистической психической норме) при воспроизведении жестов активируется левая нижняя лобная

извилины, а при понимании жестов левая верхняя височная кора мозга [Corina and Knapp, 2006: 1011]. Кроме того, более ранние исследования показали, что правое полушарие участвует в обработке визуально-пространственных аспектов структуры жестовых языков [Atkinson et al., 2005: 238]

Целью другого исследования стало выявление нейронных регионов, вовлеченных в ручную артикуляцию жестов. Для этого использовали позитронно-эмиссионную томографию и задание на перевод с английского языка на американский жестовый язык, чтобы отследить работу отделов мозга при воспроизведении одноручных и двуручных жестов, а также жестов, в исполнении которых задействуются другие части тела (голова, живот и т.д.) [Emmorey et al., 2016: 35]. Воспроизведение двуручных жестов задействовало сенсомоторную кору обоих полушарий мозга, в то время как одноручные жесты активировали сенсомоторную кору только левого полушария, т.к. жестикулирующие были правшами. При анализе работы моторной коры мозга было выявлено, что при исполнении двуручных жестов её активность снижается, т.к. цель движения пальцев распределяется между двумя руками, в то время как при исполнении одноручных жестов весь контроль заключен в одной руке [Post et al., 2007: 23]. Более того, одноручные жесты подразумевают необходимость подавления работы второй руки. Исходя из этого, исполнение двуручных симметричных жестов может требовать меньше нейронных ресурсов мозга, чем исполнение жестов одноручных [Cincotta and Ziemann, 2008: 760].

Также в рамках нейробиологических исследований описывалась роль иконичности для жестовых языков. Цель заключала в себе выявление влияния иконичности на нейронную сеть, поддерживающую лексический поиск и производство жестов. При работе с прибором позитронно-эмиссионной томографии было необходимо показывать жестами то, что испытуемые видят на картинках [Sehyg and Emmorey, 2019: 210]. В процессе исследования учёные смогли выявить, что жесты, обозначающие какой-либо

конкретный предмет, извлекаются из памяти быстрее, чем жесты абстрактных явлений. Предполагалось, что этот эффект похож на эффект конкретности. Конкретные слова посылают больший импульс в мозг, чем слова абстрактные, что обычно объясняется повышенной активацией семантических особенностей восприятия и действия, связанных с конкретными словами [McGarry et al., 2021: 204]. Конкретность может отражать более надежное кодирование сенсомоторных семантических особенностей, которые изображаются этими жестами и которые подчеркиваются в задаче называния картинок [Barber et al., 2013: 49].

Таким образом, жестовый язык как особая семиотическая система не только выступает объектом исследования междисциплинарных областей, но также по-иному репрезентирует в знаковом эквиваленте нашу реальность. Он представляет собой дополнительный источник информации о том, как человек кодирует в своем сознании те или иные явления. Эти исследования помогают лучше понять природу жестовых языков и их знаков, их специфику.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

На основе изученного теоретического материала были сделаны следующие выводы:

В мире около 5% людей страдает от проблем со слухом, а также существует около 144 жестовых языков, на которых общаются глухие по всей планете. Среди первых, кто начал заниматься обучением глухих детей системно, были преподаватели из Германии и Франции, а именно С. Гейнике и Ш.-М. де л'Эпе. Все остальные страны начали обучение людей с данной особенностью по французской или немецкой методике. В наше время, на изучение жестовых языков и создание инклюзивных программ для глухих направлено много сил, ведутся междисциплинарные исследования и модернизируются образовательные системы.

В России жестовый язык начал изучаться еще в XIX веке, но должное внимание получил лишь в XXI веке. Исследования по русскому жестовому языку отличаются немногочисленностью, тем не менее, с каждым годом отмечается рост интереса среди лингвистов: появляются словари русского жестового языка, изучается его грамматический строй, уделяется внимание проблеме обучения жестовому языку. В настоящее время существует множество школ для людей с проблемами со слухом, интернет-ресурсов для изучения РЖЯ и помощи в общении с глухими.

Французский жестовый язык был признан языком лишь в 70-х годах XX века. Однако первые исследования относительно него начались еще в первой половине XIX века. Первые научные труды были написаны глухим П. Деслогом, в которых дано представление не только о французском жестовом языке, но и о сложностях, с которыми сталкиваются люди с нарушениями работы слухового аппарата. Были открыты первые в мире учебно-воспитательные центры для глухих детей. По сей день интерес к французскому жестовому языку во Франции не иссякает. Многие учёные

исследуют данную семиотическую систему, например, в психолингвистике или медицине.

Жестовые языки являются особой семиотической системой, где форма и значение знака могут быть максимально приближены. Чем более иконичен жест, тем больше он напоминает предмет или явление, которое обозначает, тем проще из него вычленяется его значение. Чем жест произвольнее, тем понимание его значения становится труднее. В настоящее время существуют различные теории знака в рамках семиотики. В теории Ч. Пирса были предложены категории жестов (знаки-символы, знаки-индексы и знаки-иконы). Знаки, которые напоминают своё значение, называются иконическими. Все знаки становятся предметом семиозиса, процесса порождения и функционирования знаков. В рамках семиотических исследований постулируется высокая иконичность жестовых языков, которая является следствием опоры данных семиотических систем на визуально-пространственную модальность. Тем не менее, с течением времени и развитием жестовых языков, появляется всё больше жестов, которые отличаются своей произвольностью.

Жестовые языки также становятся предметом изучения многих междисциплинарных областей. Такие исследования рассматривают разные аспекты жестовых языков, помогают лучше понять их природу. Когнитивные исследования объясняют большую иконичность жестовых языков в сравнении с языками звучащими. Процесс жестового исполнения в трехмерном пространстве помогает богаче отобразить все семантические ассоциации, так как тот или иной жест может кодировать в себе комплекс различных значений в зависимости от контекста, не ограничиваясь лишь одним обозначением фонемы. Исследования в рамках нейробиологии доказывают, что жесты конкретных явлений извлекаются из памяти быстрее, чем жесты, обозначающие абстрактные явления.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА СЕМИОТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНКРЕТНЫХ И АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ

Жестовые языки – это полноценные языки, со своей структурой, которая регулируется определенными правилами и особенностями. Тем не менее, в большинстве своем жесты иконичны. Визуально-мануальное исполнение многих жестов позволяет определять их значение даже человеку, незнакомому с данной системой кодирования. Данный тезис можно опровергнуть при более детальном рассмотрении единиц жестового языка, среди которых есть те, что передают иные чувства и эмоции, о которых мы не задумывались. Можно сказать, что жестовый язык как особая знаковая система, в отличие от языка звучащего, по-другому фиксирует одни и те же понятия, одни и те же явления окружающего мира.

Вышеперечисленные факты послужили мотивацией к исследованию данной темы путём сравнительно-сопоставительного анализа, который включает в себя 10 конкретных существительных на русском и переведенных на французский язык (в сумме 20 языковых единиц); 10 абстрактных существительных на русском и переведенных на французский (20 языковых единиц); 20 жестовых репрезентаций данных слов в РЖЯ и 20 жестовых репрезентаций в ФЖЯ (в сумме 40 жестов). В рамках исследования будут проанализированы жесты конкретных существительных РЖЯ и ФЖЯ, а также жесты абстрактных существительных РЖЯ И ФЖЯ с целью выявления их специфики, их сходств и различий.

2.1. Репрезентация жестов конкретных существительных

В первую очередь мы провели данный анализ относительно конкретных существительных. Методом сплошной выборки подходящих к данной категории слов, был составлен список:

1. Друг – *ami*
2. Мама – *mère*
3. Огонь – *feu*
4. Ножницы – *ciseaux*
5. Мальчик – *garçon*
6. Стул – *chaise*
7. Дом – *maison*
8. Солнце – *soleil*
9. Книга – *livre*
10. Кот – *chat*

Перед началом анализа следует понимать, что подразумевают под собой конкретные существительные. Конкретными существительными называются исчисляемые объекты и свободно употребляющиеся в формах обоих чисел [Калинина, 2009: 240]. К ним относятся чувственно воспринимаемые предметы, такие, которые мы можем увидеть и потрогать.

При анализе некоторых слов можно сделать вывод, что их жесты, будучи самостоятельными знаковыми единицами, своеобразно фиксируют ту или иную реалию окружающего мира. Одни кодируются как «действие», т.е. носители жестового языка ассоциируют слово с определенными действиями. Другие же опираются скорее на внешний вид предмета, к которому используется определенное слово. Код таких жестов закреплен как «образ предмета». Имеют место быть и жесты, которые кодируются как интеграция «действия» и «образа предмета», т.е. в них можно заметить как какие-то отличительные черты, которые ассоциируются со словом, так и движения, которые тоже путём ассоциаций связаны с данным словом. Существуют

жесты и совершенно абстрактные, из которых очень трудно, а порой и невозможно, вычленить их значение и понять, чем мотивировано использование именно такого жеста.

Таким образом, было выявлено три способа семиотической репрезентации конкретных существительных в жестовом языке, как своеобразном семиотическом коде:

1. Репрезентация действия;
2. Репрезентация визуального образа;
3. Интеграция репрезентации действия и визуального образа.

Среди отобранных слов встретились и такие, жестовые репрезентации которых абсолютно произвольны, что стало причиной того, что мы не смогли отнести их ни к одной из групп.

Теперь, следует рассмотреть каждую группу и жесты, относящиеся к ним, поподробнее.

2.1.1. Группа жестов конкретных существительных репрезентации действия

Первой мы рассмотрим группу жестов **репрезентации действия**:

1. Друг/*Ami*

Жест «Друг» в русском жестовом языке (рис. 1) одноручный. Конфигурация–А, локализация на уровне груди. Ориентация кулака внутренней стороной наружу, в то время как локоть отведен в сторону. После этого локоть прижимается к телу, а кулак поворачивается внутренней стороной к груди. Этот жест напоминает то, когда мы приглашаем наших друзей взять нас под руку. Так же для этого жеста характерно использование мимики до и после его исполнения: легкая улыбка, вероятно, как знак теплого отношения к тому, кого вы считаете своим другом. В исполнении данного жеста мы можем чётко наблюдать код «действия», т.е. мы не

выражаем с помощью этого жеста какие-то эмоции, чувства относительно слова «друг», мы не можем показать его визуальные характеристики. Наоборот, это слово воспринимается носителями жестового языка как что-то, что ассоциируется с добрыми действиями, выражающими дружеские и теплые отношения, приятное времяпрепровождение вместе.

Рисунок 1. Жест «Друг» в РЖЯ

В ФЖЯ данный жест уже двуручный (рис. 2), симметричный, локализация жеста в центре груди. Локти отведены в сторону, одна ладонь смотрит вниз, другая вверх. Пальцы накладываются друг на друга и затем сгибаются, будто соединяются в замок. Жест напоминает то, как люди берут друг друга за руку, что очень близко к интерпретации слова «друг». Более того, визуально, жест может вызвать ассоциацию с цепью, в которой каждое звено скреплено между собой, как и руки близких друг другу людей. Слово “*ami*” в жестовой репрезентации также ассоциируется с действием, как и русский жест.

Рисунок 2. Жест “Ami” в ФЖЯ

Как писалось ранее, по мере развития жестового языка, появлялись жесты с низкой иконичностью, по исполнению которых трудно понять, что

они обозначают. Именно к таким жестам можно отнести жест «друг» как в русском жестовом языке, так и во французском. Исполнение данных жестов без знания их значения, не позволяет нам догадаться об их значении. Тем не менее, они всё равно поддаются декодированию и из них можно вычленил какой-либо смысл. Несмотря на то, что ассоциации с этим словом носителей РЖЯ и ФЖЯ отличаются, в них все равно прослеживается связь с называемым предметом.

2. Мама/ *Mère*

В РЖЯ жест «Мама» одноручный (рис. 3). Конфигурация ладоней в виде дактилемы В. Ориентация ладони ребром со стороны указательного пальца к щеке. Жест исполняется прикосновением ребра ладони к одной щеке, а затем к другой. После изучения видеоматериала с данным жестом на разных платформах, можно сделать вывод, что не имеет значение к какой щеке прикладывать ладонь в первую очередь. Это может быть как правая, так и левая щека. Из собственной интерпретации данного жеста, можно сказать, что он может ассоциироваться с действием, когда мама ласково целует своего ребенка в щеки, сначала в одну, затем в другую. Данный жест кодируется как «действие». Вероятно, для носителей РЖЯ слово «мама» ассоциируется не просто с добрым и ласковым родителем, а с тем, кто проявляет к тебе ласку и заботу своими действиями. Данный жест обладает низким уровнем иконичности. Из него сложно вычленил то значение, которое оно несет, тем не менее, это возможно.

Рисунок 3. Жест «Мама» в РЖЯ

Слово “*Mère*” в ФЖЯ имеет три жестовые интерпретации, но, в рамках данного исследования, мы рассмотрим лишь один вариант (рис. 4). Данный жест одnorучный. Конфигурация ладони в виде французской дактилемы М, тыльной стороной вниз, локализация сбоку от живота, локоть отведен в сторону, после чего прижимается к себе, направляя ладонь вверх. Визуально данный жест напоминает то, как мать качает на руках своего ребёнка, чтобы он заснул. Жест кодируется как «действие». Как и с жестом в РЖЯ, носителями ФЖЯ данное слово предположительно ассоциируется с действиями, которые может выполнять только мама относительно своего ребенка. Жест также низко иконичен, т.к. в нём отсутствуют какие-либо визуальные ассоциации. Хотя, вероятно, что его значение легче вычленишь, нежели из русского жеста, ведь, если рассуждать логически, то, скорее всего многие люди пришли к выводу, что действие качания на руках производит чаще всего именно мама, а значит, с большой вероятностью, такое значение и заключено в данном жесте.

Рисунок 4. Жест “*Mère*” в ФЖЯ

При сравнении этих жестов можно сделать вывод о том, что в обоих жестовых языках слова «**Мама**» и “*Mère*” ассоциируются только с действиями, которые могут совершаться в большинстве случаев мамой. В них отсутствуют визуальные черты матери. Причиной тому может быть то, что в образе людей сложно выделить какие-то черты, которые смогли бы стать той самой иконичной деталью, которая могла бы найти своё отражение в жесте. Поэтому, вероятно, что в РЖЯ, что в ФЖЯ, в основу жестовых

репрезентаций этого слова легли действия, с помощью которых, путём выявления ассоциаций, можно понять их значение.

Из всего списка слов только эти 4 жеста (2 русских и 2 французских) кодируются носителями языками как жесты репрезентации действия. Также они обладают низким уровнем иконичности. Возможно, это является ключевым моментом – чем менее иконичен жест, тем более вероятно, что он будет ассоциироваться с действиями, а не с образом называемого предмета или явления. Поэтому слова, о которых у нас не имеется каких-либо зрительных ассоциаций, можно описать с помощью каких-либо действий.

2.1.2. Группа жестов конкретных существительных репрезентации визуального образа

Следующая группа жестов **репрезентации визуального образа**:

В данную группу входит больше слов из установленного списка, что, вероятно, можно объяснить тем, что у нас имеются визуальные ассоциации относительно них. Отсюда можно сделать предположение, что, возможно, это потому, что почти все из этих жестов иконичны и, смотря на них, можно понять, что они «говорят».

1. Стул/*chaise*

В РЖЯ жест «Стул» (рис. 5) одноручный. Он локализуется рядом с плечом, конфигурация ладони: мизинец и указательный палец подняты вверх, средний, безымянный и большой пальцы соединены вместе, ориентация ладони боком к исполняющему. Обычно подобным жестом люди показывают собаку, когда устраивают театр теней. Однако жест глухих может оценивать как жест с высокой иконичностью. Тем самым иконичным элементом можно назвать конфигурацию ладони, ведь она очень мотивирована. Предположительно, вытянутые вверх мизинец и указательный палец это спинка стула, в то время как остальные пальцы имитируют сиденье. Т.к. глухие много раз видели стул в своей жизни, у них сложилось

чёткое представление о его визуальном образе, что и легло в основу жестовой репрезентации этого слова.

Рисунок 5. Жест «Стул» в РЖЯ

В ФЖЯ же немного иначе (рис. 6). Жест уже двуручный, симметричный. Локализация ладоней около живота. Конфигурация–У, большие пальцы при этом направлены вверх, а мизинцы вперед от тела жестовщика. Смотри на этот жест, его можно описать так: большой палец имитирует спинку, три согнутых пальца сиденье стула, а мизинец напоминает маленькую подставку под ноги, что не совсем характерно для стула, но всё же не исключено. Вероятно, в понимании глухих «стул» является очень комфортным местом для сидения, где можно расслабиться, раз в его жестовой интерпретации предположительно присутствует подставка под ноги. Данный жест подобно русскому тоже высоко иконичен, так как передает в себе знакомый всем образ стула.

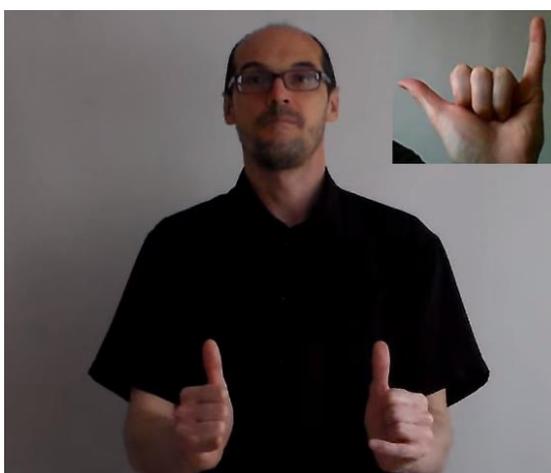

Рисунок 6. Жест “Chaise” в ФЖЯ

Если сравнивать оба жеста, то стоит обратить внимание на то, что в РЖЯ жест представляет собой один стул, в то время как жест ФЖЯ уже показывает два стула. Возможно, причиной может быть то, что французы чаще проводят время вместе с кем-то, поэтому в своем жесте они представляют два стула, для себя и своего собеседника, друга или члена семьи. Русские наоборот более закрыты, поэтому, возможно, и жест представляет собой только один стул. Вероятно, при обозначении двух стульев жест будет исполняться двумя руками, однако, подтверждения этому найдено не было.

2. Кошка/Chat

Данный жест в РЖЯ одноручный (рис. 7). Конфигурация—О, локализация около лица в области рта. Большой и указательный палец прижимаются к лицу около уголка губ и затем движутся по щеке в сторону. Из собственной интерпретации можно сказать, что это напоминает длинные кошачьи усы, что вероятно и является основой жеста. Его можно назвать иконичным, потому что именно представители кошачьих отличаются красивыми длинными усами от других животных. Вероятно, что для глухих, использующих русский жестовый язык, главной отличительной визуальной чертой кошачьих являются именно усы.

Рисунок 7. Жест «Кошка» в РЖЯ

В жесте ФЖЯ (рис. 8) тоже показываются усы, однако, уже двумя руками и немного иначе. Жест симметричный, подушечки большого, указательного и среднего пальца складываются вместе, будто бы мы взяли щепотку чего-то сыпучего, безымянный палец и мизинец прижаты к ладони.

Ориентация ладони внутренней стороной к лицу. Исполнитель жеста прикладывает три сложенных вместе пальца одной руки и второй к щекам, затем, отодвигая руки от лица, растопыривает указательный и средний пальцы. Получились очень длинные усы, которыми обладают многие представители семейства кошачьих.

Рисунок 8. Жест “Chat” в ФЖЯ

Подводя итог анализа этих двух жестов, можно сказать, что в обоих случаях иконичной чертой, которая получила своё отражение в жесте, являются кошачьи усы, что на самом деле может показаться довольно необычным. Чаще всего, если спросить человека, как бы он показал кошку в жестовом исполнении, то человек бы приставил к макушке средние и указательные пальцы обеих рук, чтобы это напоминало кошачьи уши. Это отличительная черта этого животного. Даже маскарадные костюмы кошек всегда имеют аксессуар в виде ободка с треугольными ушами, потому что без этого элемента будет трудно понять, что это за животное. Однако без нарисованных усов это тоже создаст трудности в понимании. Иконичные черты жестов не всегда могут быть очевидны, так как у предмета может быть несколько черт, которые могут быть отражены в жестовом исполнении и успешно вызывать необходимые ассоциации. Так и с этим жестом. Кошка обладает несколькими узнаваемыми чертами, но тем самым иконичным элементом, который является основой жеста, стали именно усы.

К данной группе так же относятся жесты «дом», и «солнце», “*maison*” и “*soleil*”. Жестовые репрезентации данных слов тоже высоко иконичны. «Дом» и “*maison*” выглядят как крыша, именно так и изображают его люди. Жест «солнце» представляет собой ладонь в виде дактилемы А над головой,

из которого выходят лучи (в жестовом исполнении это пальцы), “*soleil*” представляет собой также ладонь в виде дактилемы А над головой, которая быстро крутится из стороны в стороны. Все эти жесты сосредотачивают свое внимание именно на визуальном образе предметов, их отличительных чертах. В эту группу вошли 8 жестов из 20.

Здесь можно сделать вывод, который уже имел место быть в конце анализа первой группы слов. Исходя из данных проанализированных слов, действительно можно сказать, что вероятно, высоко иконичные жесты интерпретируют в себе именно визуальные составляющие предмета. Такие жесты легче понимать, даже если не знаешь жестового языка.

2.1.3. Группа жестов конкретных существительных репрезентации действия и визуального образа

Третья группа слов включает в себя жесты, которые объединяют в себе **репрезентации действия и визуального образа:**

1. Книга/*livre*

Жест «Книга» в РЖЯ двуручный, симметричный (рис. 9). Локализация ладоней около груди, конфигурация–В, ориентация ладоней пальцами от тела исполняющего. Затем ладони несколько раз раскрываются и закрываются «как книга». В этот момент тыльная сторона ладоней может быть направлена как вниз, чтобы «книга» была в горизонтальном положении, так и слегка изменить свое положение, чтобы «книга» располагалась вертикально. Эта вызванная ассоциация в голове говорит о том, что данный жест высоко иконичен, из него можно легко вычленить значение «книга», потому что любой человек изобразил бы книгу именно таким образом. Ладони в данном жесте, вероятно, являются имитацией не только самой обложки книги, но и листов внутри неё, т.к. исполняющий повторяет движение несколько раз. Однако, жест, предположительно, показывает не

только листы книги, но и то, как мы ее открываем, т.е. совершаем над ней действие.

Рисунок 9. Жест «Книга» в РЖЯ

Жест ФЖЯ, что не странно, идентичен жесту РЖЯ (рис. 10). Это, вероятно, можно объяснить тем, что визуальный образ книги во всём мире одинаков, нет такого, чтобы в какой-то стране книга как-то отличалась от своего стандартного вида. Так и с жестом, он везде одинаков. Единственное, что может отличаться, так это количество движений раскрывающихся ладоней, а также их положение относительно тела исполняющего.

Рисунок 10. Жест “Livre” в ФЖЯ

2. Ножницы/*Ciseaux*

Жест «**Ножницы**» в РЖЯ выполняется одной рукой (рис. 11). Рука локализована в районе груди, ориентация ладони тыльной стороной от исполнителя. Конфигурация цифры–2. Пальцы то соединяются между собой, то снова раздвигаются, имитируя движение ножниц. Жест иконичный, так как визуально повторяет образ ножниц и именно так мы изображаем ножницы, когда забываем данное слово в разговоре, причем двигая пальцами, имитируя режущие движения. Значит, для носителей жестового

языка данное слово вероятно ассоциируется с визуальным образом предмета, знакомого всем, а также с действием разрезания чего-либо.

Рисунок 11. Жест «Ножницы» в РЖЯ

Во французской интерпретации жеста нет никаких отличий (рис. 12). Рука также локализована в области груди, конфигурация ладони совпадает с эквивалентом русского жестового языка. Движение руки при исполнении жеста идентично. Он полностью совпадает с жестом в РЖЯ, что говорит о том, что данный предмет имеет единый образ у всех людей.

Рисунок 12. Жест “Ciseaux” в ФЖЯ

Для подтверждения гипотезы о том, что жесты репрезентации визуального образа и действия в большинстве своем одинаковы в разных жестовых языках, был совершен поиск исполнения выше описанных жестов в других ЖЯ, кроме русского и французского. Как и жест «**Книга**»/“*Livre*”, так и «**Ножницы**»/“*Ciseaux*” везде отражают визуальный образ этих предметов и действия, совершаемые ими или над ними. Разница состоит лишь в ориентации ладоней по отношению к исполняющим. Также имеются некоторые различия в движениях. Например, жест «ножницы» может

исполняться на месте, тогда как в других ЖЯ передвигаться в пространстве, показывая, как разрезается невидимый лист или кусок ткани.

В данную группу также попали слова «огонь» и “*feu*”. Руки в конфигурации цифры 3 (РЖЯ) и цифры 5 (ФЖЯ) показывают визуальный образ языков пламени. Хаотичные движения пальцев указывают на процесс горения. В итоге, в эту группу попали 6 жестов из 20. Можно предположить, что любые жесты, входящие в данную группу будут не только иконичными относительно предмета, который был назван данным словом, но так же они будут идентичны с жестами других жестовых языков, которые обозначают те же слова.

Рассмотрев три группы репрезентации жестов конкретных существительных из представленного списка, можно сделать вывод, что в большинстве своем они иконичны, отличия только в уровне этой иконичности. Это может стать подтверждением нашей гипотезы о том, что жесты конкретных существительных легко поддаются декодированию, потому что в них присутствуют те черты, благодаря которым можно понять их значение. Однако, впоследствии продолжения анализа жестов, стало ясно, что эта гипотеза оказалась не совсем верной.

2.1.4. Жесты конкретных существительных вне представленных групп

1. Мальчик/*Garçon*

Среди группы конкретных существительных, которые были отобраны путем сплошной выборки, оказалось слово, жестовая репрезентация которого не поддалась декодированию, так как этот жест характеризуется высоким уровнем абстрактности. Это жест «Мальчик»/“*Garçon*”.

В РЖЯ данный жест одноручный (рис. 13). Конфигурация–В, ребром прислонена к макушке головы и развернута внутренней стороной от исполняющего. Таким образом, выполняются небольшие постукивания по

голове. Интерпретация данного жеста вызывает определенные сложности, так как совершенно не понятно чем мотивирована именно такая репрезентация данного слова. Это, вероятно, говорит о высокой абстрактности данного слова и сложности выделения каких-то особенностей, с помощью которых можно было придумать более конкретный жест. Жест совершенно не иконичен, из него невозможно вычленить значение, определяющее слово «мальчик». Если бы ориентация ладони была внутренней стороной к голове, можно было бы выявить некоторые ассоциации с мужским полом, ведь именно так прикладывают ладонь военные и мальчики, которые играют в моряков и солдат. Однако, по причине иного положения руки, очень трудно прийти к таким ассоциациям, особенно из-за постукивания по голове.

Рисунок 13. Жест «Мальчик» в РЖЯ

В ФЖЯ данный жест также не имеет ничего визуально напоминающего мальчика (рис. 14). Жест одноручный, конфигурация цифры–10. Ладонь повернута тыльной стороной к исполнителю жеста и локализуется в районе лба. В таком положении рука прикладывается к противоположной для себя стороне лба и начинает двигаться в сторону к себе. Этот жест тоже вызывает сложности в интерпретации, что вновь говорит о его абстрактности.

Рисунок 14. Жест “Garçon” в ФЖЯ

После проведенного анализа жеста «мальчик» в РЖЯ И ФЖЯ, можно сделать вывод, что существуют такие жесты конкретных существительных, с которыми у глухих отсутствуют какие-то визуальные ассоциации, что делает их произвольными и трудными для декодирования их смысла.

Люди, которые не знакомы с жестовыми языками, не смогут понять данный жест и, вероятно, посчитают, что он означает какое-либо абстрактное явление. Такой произвольностью в большинстве своём отличаются жесты абстрактных существительных.

После проведенного анализа всех жестов конкретных существительных, можно сделать соответствующие выводы. В большинстве случаев такие жесты отличаются разными уровнями иконичности. В них возможно вычлениить элементы, с помощью которых является возможным понять смысл жестов. Большая часть жестов относится к группе репрезентации визуального образа (8 из 20). Такие жесты обладают высоким уровнем иконичности, потому что, смотря на них, мы можем понять, что лежит в их основе, отличительные черты, которые ассоциируются с предметами. Жесты группы интеграции репрезентации действия и визуального образа тоже отличаются высокой иконичностью (6 из 20). Они совмещают в себе элементы отличительных черт предмета, а также действий, которые совершаются этим предметом или над ним. Жесты репрезентации действия обладают низкой иконичностью, однако их возможно интерпретировать, т.к. в действиях, положенных в основу жеста, можно

выявить ассоциации со словом (4 из 20). Жесты двух слов, «Мальчик» и “*Garçon*” совершенно абстрактны, что необычно, учитывая то, что мы знаем как выглядит мальчик. Причиной тому может быть то, что в его образе отсутствуют яркие черты, которые могли бы стать основой жестов.

2.2. Репрезентация жестов абстрактных существительных

Точно так же, как и с конкретными существительными, методом сплошной выборки был составлен список абстрактных существительных:

1. Печаль – *tristesse*
2. Идея – *idée*
3. Комфорт – *confort*
4. Мечта – *rêve*
5. Жизнь – *vie*
6. Смерть – *mort*
7. Свобода – *liberté*
8. Бедность – *pauvreté*
9. Звук – *son*
10. Музыка – *musique*

Перед началом анализа следует понимать, что представляют собой абстрактные существительные. Абстрактные существительные дают имя нематериальным сущностям, в частности называют: а) отвлеченный признак, присущий разным объектом действительности (быстрота лошади, бега и т.д.); б) отвлеченное действие, которое может совершаться разными деятелями или производиться над разными объектами (чтение мамы, чтение книги); в) отвлеченное понятие, которое существует только в человеческом сознании и которое нельзя представить наглядно (справедливость, совесть) [Калинина, 2009: 242].

Так как абстрактные существительные, как говорилось ранее, называют нематериальные сущности и явления, то у людей, использующих жестовый

язык, отсутствуют визуальные ассоциации, которые могут стать основой, которая ляжет в жестовую репрезентацию этих слов. Исходя из этого, можно сделать вывод, что жесты абстрактных существительных отличаются низким уровнем иконичности, из-за чего возникают трудности в понимании их значения и вычленения каких-либо элементов из их исполнения, которые могли бы помочь понять эти жесты.

При анализе слов из представленного списка было выявлено, что, как и жесты конкретных существительных, жесты абстрактных существительных тоже своеобразно фиксируют ту или иную реалию окружающего мира. Иконичные черты, которые легли в основу жестов, выделить не так просто, однако, это всё же является возможным. Большинство из них ассоциируются с какими-то действиями, в других следует обращать внимание на их локализацию, т.к. благодаря ней можно понять, о чём «говорит» жест. Есть и те, которые отличаются высокой произвольностью, из них не является возможным вычленить их значение.

Таким образом, мы выделили два способа семиотической репрезентации абстрактных существительных в жестовом языке, как своеобразном семиотическом коде:

1. Репрезентация действия;
2. Репрезентация локализации.

Также мы не смогли отнести два жеста ни к одной из групп, они будут рассмотрены в конце исследования, отдельно от других жестов.

2.2.1. Группа жестов абстрактных существительных репрезентации действия

1. Идея/*Idée*

Жест «Идея» в РЖЯ (рис. 15) выполняется одной рукой. Локализуется у головы. Конфигурация цифры–1, ориентация внутренней стороной к виску. Движение выполняется в два шага: указательный палец прижимается к

виску, затем рука разворачивается и указательный палец указывает вверх. В этом жесте можно выделить иконические черты, т.к. мы делаем такое же или практически такое же движение, когда вспоминаем о чем-то или придумываем что-то. Даже в развлекательных мультфильмах, где очень мало речи и много действий, когда персонаж что-то придумывает, мы можем отметить, что он совершает похожее движение. Жест также сопровождается эмоцией некоего воодушевления, брови приподнимаются, глаза становятся шире, губы растягиваются в улыбке. Иными словами, это слово кодируется глухими как действие, которое мы совершаем, когда в голову приходит идея.

Рисунок 15. Жест «Идея» в РЖЯ

Во французском жестовом языке жест практически идентичен русскому (рис. 16), он выражает то же действие при возникновении идеи. Отличия лишь в конфигурации ладоней. Жест одноручный, локализуется у головы. Конфигурация–I, ребром ладони к лицу. Действие подразумевает под собой прикосновение мизинцем к виску, и затем отведение руки в той же конфигурации чуть дальше от головы. Несмотря на то, что конфигурация ладоней отличается от русского жеста, они по-прежнему несут один и тот же смысл, показывают, что в голове возникает идея. Поэтому, можно сказать, что французский жест также обладает некоторыми иконическими чертами.

Рисунок 16. Жест “Idée” в ФЖЯ

Предположительно данные различия в жестах являются отражением различий в культурах, т.к. многие жесты в разных странах, обозначающие одно и то же, могут отличаться между собой. Однако их по-прежнему можно считать иконичными, так как в них присутствуют черты, с помощью которых можно вычленить их значение. Это опровергает нашу теорию о том, что абстрактные жесты всегда будут отличаться высокой произвольностью. Среди них, как и среди жестов абстрактных существительных, имеются свои исключения.

2. Комфорт/*Confort*

В РЖЯ жест «Комфорт» одноручный (рис. 17). Он локализуется у лица в конфигурации цифры–5, ориентация мизинцем к щеке, тыльной стороной ладони от исполняющего. Выполняется медленное движение вниз, проводя четырьмя пальцами от щеки до подбородка. Данный жест можно интерпретировать, как когда мы прикладываем к щеке ткань, чтобы ощутить её мягкость. Понять значение жеста трудно, но возможно путём логической цепочки на основе ассоциаций. Движение руки напоминает прикосновение мягкой ткани к щеке, мягкость ткани вызывает такие чувства как уют и комфорт. Жест абстрактен, но всё же мотивирован некоторыми ассоциациями с чувством комфорта.

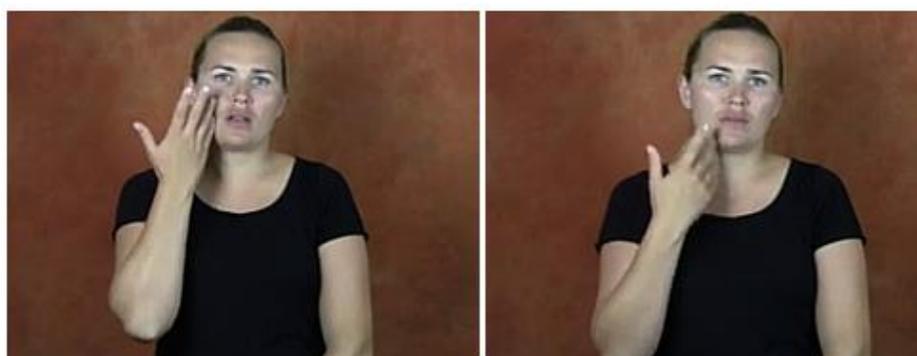

Рисунок 17. Жест «Комфорт» в РЖЯ

Жест ФЖЯ отличается от жеста РЖЯ (рис. 18). Он двуручный, симметричный. Локализуется на уровне груди, ориентация ладоней тыльной стороной вверх, конфигурация–С, с выпрямленными пальцами, локти отведены в сторону. Четыре пальца отодвигаются от большого пальца вверх,

затем сближаются с ним несколько раз. Движение напоминает то, когда мы щупаем подушку, чтобы понять, насколько она мягкая и комфортная. Жест не отличается высокой иконичностью, однако, путём ассоциаций можно вычленить то значение, которое в нём заложено.

Рисунок 18. Жест “Confort” в ФЖЯ

Если сравнить два жеста друг с другом, можно сделать вывод о том, что в них заложены разные ассоциации. Несмотря на это, обе ассоциации помогают понять смысл жеста, хотя это довольно трудно. Однако следует отметить то, что оба жеста ассоциируются именно с действиями, которые связаны с ощущением комфорта, будь то прикладывание приятной ткани к щеке или сжимание мягкого предмета ладонями.

3. Музыка\Musique

Жест в русском жестовом языке исполняется двумя руками, симметрично (рис. 19). Локализуется в районе груди, ладонь в конфигурации дактилемы О. Ладони приближаются друг к другу, после чего отдаляются несколько раз. Данное движение напоминает то, как дирижер руководит оркестром, что говорит о высокой иконичности жеста. Когда мы видим работу рук дирижера, мы понимаем, что за ними последуют звуки музыки, которую исполняют музыканты, внимательно наблюдая за действиями дирижера. Глухие могут не слышать музыку, но они, как и слышащие, понимают, что сопровождает эти движения рук. Эта ассоциация для всех одинакова.

Рисунок 19. Жест «Музыка» в РЖЯ

Жест французского жестового языка практически идентичен жесту РЖЯ (рис. 20). Он двуручный, симметричный, движения повторяют русский жест. Главное отличие – конфигурация ладоней. В русском жесте ладони в конфигурации дактилемы О, а жест французский уже в конфигурации цифры 1. Иконичный элемент, который заложен в основу жеста, совпадает с элементом, заложенным в русский жест – действия дирижера, благодаря которым возникает музыка.

Рисунок 20. Жест “Musique” в ФЖЯ

Проанализировав данные жесты в РЖЯ и ФЖЯ, можно сделать вывод о том, что ритмичные движения дирижера при управлении оркестром ассоциируются у глухих с музыкой, с мелодией, которая является основой этой музыки. Возможно, что благодаря этим движениям, глухие приблизительно могут понимать, какая звучит музыка, какое её настроение, темп и т.д. Поэтому для них движения дирижера являются тем связующим звеном для восприятия музыки, которую они не могут услышать сами, и это стало причиной того, что эти ассоциации легли в основу жестов «Музыка» и “*Musique*”.

3. Смерть

Среди всех слов, отобранных для анализа, только «Смерть» и “*Mort*” попали в разные группы из-за того, что они интерпретируются по-разному. Несмотря на то, что визуально они практически идентичны, элемент, заложенный в основу жестов, отличается.

Жест РЖЯ выполняется двумя руками (рис. 21). Локализуется на уровне груди. Конфигурация–В. Ориентация большими пальцами к груди, внутренняя сторона ладоней обращена вниз. Руки перекрещиваются на груди. Жест иконичен. Из-за положения рук вероятно предположить, что этот жест олицетворяет отказ от чего-то. С другой стороны, этот жест говорит о конце чего-то, что, в целом, близко к понятию смерти, т.к. смерть является концом жизни, жизнь подходит к концу, после чего наступает смерть. Если бы ориентация рук была другой, где ладони повернуты внутренней стороной к груди, тогда можно было бы считать жест более мотивированным, т.к. именно в таком положении находятся руки мертвеца, когда его укладывают в гроб.

Рисунок 21. Жест «Смерть» в РЖЯ

Этот жест был отнесен к группе репрезентации действия, т.к. конфигурация и положение ладоней вероятно «говорит» об окончании жизнедеятельности, действии наступления смерти.

К данной группе также относятся жестовые пары «Свобода» и “*Liberté*”, «Звук» и “*Son*”, «Мечта» и “*Rêve*”. За всеми ними закреплены ассоциации с действиями. Жест «Свобода» двуручный, симметричный.

Локализован в районе груди. Конфигурация–О. Ладони соединяются между собой будто в цепь, затем рассоединяются, руки отодвигаются друг от друга. Жест достаточно мотивирован, так как когда мы скованы цепями, если избавляемся от них, то обретаем свободу. Жест *“Liberté”* менее мотивирован, однако он инициализирован, так как конфигурация ладоней в виде дактилемы L совпадает с первой буквой слова *liberté*. Конфигурация отличается от русского жеста, но движение повторяется, совмещенные вместе ладони отодвигаются друг от друга в сторону, что говорит об обретении свободы после заточения. Жесты «Звук» и *“Son”* отличаются лишь тем, что один выполняется двумя руками, а другой одной. Однако движения идентичны, ладони придвигаются к ушам и отодвигаются от них несколько раз, совершая колебательные движения, что говорит о движении звука, воспринимаемого слухом. Жесты «Мечта» и *“Rêve”* репрезентуют действие возникновения мысли в голове в моменте, что прямо ассоциируется с появлением идеи. Также исполнение жеста показывает действие, которое совершают люди, когда у них внезапно появляется идея. В итоге, в эту группу вошли 13 жестов из 20.

2.2.2. Группа жестов абстрактных существительных репрезентации локализации

1. Печаль/*Tristesse*

Жест «Печаль» в РЖЯ (рис. 22) двуручный, симметричный, локализация жеста в центре груди. Конфигурация ладоней: округлены, направлены внутренней стороной к телу. Исполняющий подносит ладони к груди, словно на вдохе, и затем на выдохе прижимает пальцы к центру грудной клетки, будто бы надавливая на нее. При этом жест сопровождается мимикой – опущенные уголки губ, сдвинутые друг к другу и опущенные брови, прикрытые глаза. Если знать значение данного жеста, то можно провести ассоциацию с тем, что грустные эмоции и движение пальцев

напоминают то, как печаль, будучи тяжелым негативным чувством, давит на грудную клетку, что лишь усиливает отрицательные эмоции и утяжеляет состояние.

Рисунок 22. Жест «Печаль» в РЖЯ

Вероятно, что у носителей жестового языка слово **«Печаль»** больше ассоциируется именно с чувствами, которые душа испытывает в этот момент. Поэтому жест и сопровождается мимикой, эмоциями, которые выражают эти чувства. Таким образом, можно прийти к выводу, что без мимического сопровождения, в чисто мануальном исполнении, этот жест было бы намного сложнее понять, так как он не обладает яркими иконическими чертами.

Это же слово в ФЖЯ имеет иной жест, одноручный, однако, тоже сопровождаемый мимикой (рис. 23). Локализация жеста у лица. Ориентация внутренней стороной к лицу, конфигурация цифры–15. Сначала выпрямленные пальцы касаются лба, затем в полусогнутом виде подбородка. В это время, как и с жестом РЖЯ, брови сдвигаются друг к другу, уголки губ опущены. Понять значение жеста трудно, так как он обладает низкой иконичностью. Мимика помогает приблизительно понять значение жеста. Предположительно, совершаемое движение (от лба к подбородку) фиксирует изменение эмоций на лице, которое происходит с человеком, когда он испытывает такую эмоцию как печаль.

Рисунок 23. Жест “Tristesse” в ФЖЯ

Стоит отметить, что жесты «Печаль» и “*Tristesse*” характеризуются изменяющимся движением. В исполнении жеста «Печаль» руки из округленной формы перед грудью переходят в фазу, в которой соприкасаются с грудью ребрами ладоней и пальцами, надавливают на неё. В жесте “*Tristesse*” это мануальное движение сверху вниз. Следовательно, возможно говорить о кодировании данной эмоции в РЖЯ и ФЖЯ как динамически развивающемся явлении.

Следует упомянуть и то, как различается локализация этих жестов в РЖЯ и ФЖЯ. Жест «Печаль» локализуется около груди, что возможно говорит о том, что у русского человека это чувство ассоциируется с чем-то, что проживает в груди, что сокрыто в сердце. Это характерно для русских, переживать многие эмоции внутри себя, не показывать их. “*Tristesse*” же локализуется у лица, что говорит о том, что у француза это чувство более рационализировано, оно буквально «написано» на лице. Т.к. французы более эмоциональный народ, который привык ярко выражать свои эмоции, это также нашло своё отражение и в жестовой репрезентации.

2. Жизнь\ Vie

В РЖЯ данный жест исполняется одной рукой (рис. 24). Конфигурация ладони в виде дактилемы Ф. Локализуется на уровне живота. Жест выполняется легким постукиванием по животу. Его можно назвать иконичным, так как здесь важную роль играет именно локализация жеста. Несмотря на то, что понятие жизни является абстрактным, тот факт, что жест

исполняется около живота, наводит на мысль о том, что он означает слово жизнь, так как она зарождается в животе матери.

Рисунок 24. Жест «Жизнь» в РЖЯ

В ФЖЯ жест исполняется двумя руками, симметрично (рис. 25). Локализуется около груди. Конфигурация ладони в виде дактилемы французской дактильной азбуки V. Ориентация внутренней стороной ладоней к груди, локти отведены в стороны. Движение выполняется в два этапа. Сначала пальцы направляются друг на друга, затем руки меняют положение так, чтобы пальцы начали смотреть на щеки. Жест обладает низким уровнем иконичности, хотя стоит отметить, что его локализация тоже играет большое значение, т.к. в груди находится сердце, которое является нашим мотором, благодаря которому мы живем. Более того, здесь большую роль играет конфигурация ладоней в виде дактилемы V, которая делает этот жест инициализированным, т.к. это первая буква слова *vie*.

Рисунок 25. Жест “Vie” в ФЖЯ

В обоих случаях главным иконичным элементом жестов является их локализация, т.к. благодаря ей можно провести ассоциации со словом

«Жизнь». Если бы локализация в обоих жестах была другой, было бы намного сложнее их интерпретировать.

3. *Mort*

Как писалось ранее, в основе жестов «Смерть» и “*Mort*” заложены разные иконичные черты, с помощью которых можно понять их смысл. Если русский жест кодируется как действие, которое указывает на окончание жизни, после чего следует смерть, то во французском жесте важна локализация.

Этот жест исполняется двумя руками, симметрично (рис. 26). Локализация: в районе груди. Конфигурация цифры–4, ориентация внутренней стороной ладоней к груди, пальцы переплетены, локти в сторону., глаза закрыты, лицо расслаблено. Жест иконичен, так как он повторяет положение мертвеца в гробу, т.е. у глухих слово «смерть» ассоциируется с визуальным образом человека перед погребением. Жест также сопровождается эмоциями, уголки губ опущены, глаза закрыты, брови сведены вместе, кажется, будто человек просто уснул, но положение рук говорит о том, что наступила смерть и скоро человек будет погребён.

Рисунок 26. Жест “Mort” в ФЖЯ

В эту группу вошли 5 жестов из 20. Во всех них нужно обращать внимание на локализацию ладоней, это является ключом к их пониманию. Однако для людей, незнакомых с жестовыми языками, дешифровать эти жесты невозможно.

Рассмотрев две группы репрезентации жестов абстрактных существительных можно сделать вывод о том, что наша гипотеза о полной произвольности жестов, означающих абстрактные явления, не верна. Жесты группы репрезентации действия поддаются декодированию, в них присутствуют иконичные черты, связь с действиями, которые ассоциируются с описываемыми явлениями. Жесты репрезентации локализации трудны в дешифровании, т.к. понять роль локализации ладоней в жестах можно лишь тогда, когда известно значение жеста. Конфигурация, движение и ориентация ладоней в них наоборот, довольно произвольна, что делает практически невозможным вероятность их понимания людям, незнакомым с жестовыми языками. Однако стоит отметить, что среди отобранных абстрактных существительных есть два слова, жесты которых абсолютно произвольны, никакие компоненты не способны помочь в их дешифровке.

2.2.3. Жесты абстрактных существительных вне представленных групп

1. Бедность *Pauvreté*

Жест РЖЯ исполняется двумя руками, но движения несимметричны (рис. 27). Конфигурация главной руки в виде дактилемы Ы, второй руки в виде дактилемы Ф. Ладони локализуются около лица, внутренней стороной направлены друг на друга, локти смотрят вниз. Резким движением ладонь рабочей руки опускается к локтю второй руки, будто что-то сбрасывая. При этом ладонь переходит в конфигурацию цифры 5. Этот жест отличается высоким уровнем абстрактности. Визуально не возникает никаких ассоциаций, в нём отсутствуют какие-либо элементы, с помощью которых можно было бы вычленить значение жеста.

Рисунок 27. Жест «Бедность» в РЖЯ

Жест ФЖЯ также исполняется двумя руками, движения несимметричны (рис. 28). Локализация ладоней на уровне груди. Конфигурация рабочей руки в виде цифры 5, ладонь второй руки в конфигурации–С. Ориентация ладоней горизонтальная, локти отведены в сторону, ладонь второй руки прижата к груди. Ладонь рабочей руки проводит от локтя второй руки к запястью, словно рука чешется. Этот жест, как и его русский эквивалент, совершенно произволен, из него трудно вычленить значение. В нем отсутствуют какие-либо иконичные элементы.

Рисунок 28. Жест “Pauvreté” в ФЖЯ

После проведенного анализа жестов «Бедность» и “*Pauvreté*” можно сделать вывод о том, что существуют жесты абстрактных существительных, которые, согласно гипотезе, совершенно произвольны, из которых невозможно вычленить какое-либо значение. Хотя, вероятно, это скорее исключение, чем правило, которое соблюдается в большинстве случаев.

В заключение работы над исследованием жестов, можно сделать соответствующие выводы. В большинстве случаев в жестах абстрактных существительных вычленяются иконичные черты, с помощью которых

возможно вычлени́ть их значение. Это снова опровергает нашу гипотезу о том, что жесты, означающие абстрактные явления, высоко произвольны. Были выделены две группы репрезентации. Большая часть жестов была включена в группу жестов репрезентации действия. В их основе лежат действия, которые ассоциируются с явлениями, описываемые соответствующими жестами (13 из 20). Другие жесты попали в группу репрезентации локализации. В них главную роль играет локализация рук относительно тела (5 из 20). Однако, опираясь на одну локализацию, дешифровать их практически невозможно из-за полной произвольности других компонентов жестов. Среди выбранных слов есть два, которые соответствуют гипотезе о произвольности жестов абстрактных существительных, т.к. в них отсутствуют какие-либо иконичные черты. Такие жесты невозможно интерпретировать.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Целью данного исследования являлось выявление специфики в семиотической репрезентации конкретных и абстрактных существительных в русском и французском жестовых языках. Для проведения сравнительно-сопоставительного анализа методом сплошной выборки были отобраны 10 русских слов конкретных существительных и их 10 эквивалентов на французском языке для исследования их жестовых репрезентаций (20 единиц). Также был составлен список из 10 русских слов абстрактных существительных и 10 французских эквивалентов (в сумме 20 жестовых единиц). Главной гипотезой, которая была поставлена до начала проведения исследования, стало предположение о том, что жесты конкретных существительных отличаются высоким уровнем иконичности. В них прослеживаются черты, которые вызывают прямые ассоциации с называемым предметом, его визуальными характеристиками. Поэтому их легко интерпретировать и понять их смысл. Жесты абстрактных существительных наоборот отличаются высокой произвольностью. Они называют явления, с которыми у нас нет визуальных ассоциаций, в них сложно выделить какие-то элементы, которые могли бы стать иконичной основой жеста. Это говорит о том, что они представляют трудности для декодирования, иногда это является невозможным.

В процессе исследования, жесты конкретных существительных были разделены на три группы. В группу репрезентации действия были включены 4 жеста из 20 («Друг» и “*Ami*”, «Мама» и “*Mère*”). Они обладают низкой иконичностью, однако в них прослеживаются ассоциации с действиями, которые могут совершаться этими субъектами или над ними. Из них возможно вычленив их значение. Следующая группа репрезентации визуального образа включает в себя больше жестов, 8 из 20 («Кошка» и “*Chat*”, «Стул» и “*Chaise*”, «Дом» и “*Maison*”, «Солнце» и “*Soleil*”). В их основу легли визуальные характеристики, которые ассоциируются с

предметом, будь то крыша дома, кошачьи усы и т.д. Была предпринята попытка объяснить выбор конкретной визуальной характеристики, которая станет основой жеста, но предположительно данный выбор является произвольным. Тем не менее, все эти жесты высоко иконичны, смотря на них можно провести ассоциации с предметом и понять значение жеста. Третья группа интеграции репрезентации действия и визуального образа включает в себя 6 жестов из 20 («Книга» и “*Livre*”, «Ножницы» и “*Ciseaux*”, «Огонь» и “*Feu*”). Они совмещают в себе как ассоциации с визуальным образом предмета, так и с действиями, которые совершаются ими или над ними. Такие жесты тоже обладают высоким уровнем иконичности и в большинстве своём они идентичны своим эквивалентам из других жестовых языков. 18 жестов конкретных существительных из 20 (90% из 100) отличаются иконичностью. Они поддаются декодированию, из них вычленяется смысл. К оставшимся 10% (2 жестам из 20) относятся жесты конкретных существительных, отличающихся высокой произвольностью (жесты «Мальчик» и “*Garçon*”). Они абсолютно абстрактны, внутренняя мотивировка жестов визуально не считывается, их невозможно интерпретировать и понять, что в них заложено.

Жесты абстрактных существительных были разделены на две группы. Первая группа репрезентации действия включает в себя 13 жестов из 20 («Идея» и “*Idée*”, «Комфорт» и “*Confort*”, «Музыка» и “*Musique*”, «Мечта» и “*Rêve*”, «Звук» и “*Son*”, «Свобода» и “*Liberté*”, а также «Смерть»). Эти жесты представляют собой единицы с разным уровнем иконичности. Они кодируются как действия, которые ассоциируются с названными явлениями. Некоторые из них обладают более яркими чертами, из-за чего их легче декодировать, другие наоборот, труднее вызывают ассоциации, но при этом всё равно их смысл можно понять. Следующая группа репрезентации локализации включает в себя 5 жестов из 20 («Печаль» и “*Tristesse*”, «Жизнь» и “*Vie*”, а также “*Mort*”). В этих жестах главным иконичным элементом является локализация ладоней. Такие жесты обладают низким уровнем

иконичности. Их локализация не может помочь дешифровать значение жеста. Только будучи знакомым с этой знаковой системой, исследуя её и зная значение анализируемых жестов, можно прийти к выводам о том, что многие жесты абстрактных существительных тяготеют к иконичному использованию пространства, где, например, локализация у живота связана с понятием жизни, грудь ассоциируется с эмоциями, а исполнение жеста у головы говорит о связи со знаниями, мыслями и умом. Остальные компоненты жеста: движение, конфигурация, ориентация ладоней, являются достаточно произвольными, из-за чего человеку, незнакомому с этими жестами, будет невозможно понять их смысл. Последние 2 жеста («Бедность и *“Pauvreté”*») абсолютно абстрактны. Их внутренняя мотивировка визуально не считывается.

В завершении данного сравнительно-сопоставительного анализа можно сделать вывод о том, что гипотеза о полной иконичности жестов конкретных существительных и полной произвольности жестов абстрактных существительных не верна. При анализе конкретных существительных было выявлено, что среди них существуют произвольные жесты, интерпретировать которые практически невозможно. Однако они составляют собой минимальное количество. Среди 20 жестов, таковыми являлись лишь 2, что составляет 10% из 100. При анализе абстрактных существительных только 13 жестов из 20 (65% из 100) обладают иконичными чертами, с помощью которых их декодирование является возможным. Это жесты группы репрезентации действия. Также к ним можно отнести 1 жест из группы репрезентации локализации, жест *“Mort”*. Этот жест повторяет положение умершего человека, что напрямую ассоциируется со значением жеста. В таком случае процент иконичных жестов абстрактных существительных повышается до 70%. В оставшихся 4 жестах данной группы выделяющимся признаком является только их локализация. Остальные компоненты жеста произвольны, что очень затрудняет их понимание и делает вероятность их дешифрования практически невозможной. 2 жеста, которые не попали ни в

одну из групп, отличаются высокой абстрактностью. Их дешифровка на настоящий момент является сложно осуществимой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа представляет собой теоретические основы изучения русского и французского жестовых языков в семиотическом аспекте, а также сравнительно-сопоставительный анализ в рамках практического исследования с целью выявить специфику семиотической репрезентации конкретных и абстрактных существительных в выше представленных жестовых языках.

Жестовые языки являются родными языками для большого количества людей на всей планете, но при этом их представленность в лингвистических исследованиях находится на довольно низком уровне. Долгое время они воспринимались людьми как примитивные языки, так как считались высоко иконичными, вследствие этого возникало мнение о полной тождественности жестовых языков и языка жестов слышащих. Лишь во второй половине XX века и начале XXI жестовые языки получили полную автономию и признание как полноценные семиотические системы, равные звучащим языкам.

Жестовые языки представляют собой аутентичный материал для семиотических исследований в виду того, что изучение связи жеста и обозначаемого им объекта или реалии окружающего мира позволит по-другому взглянуть на проблему соотношения предмета и его наименования.

Жестовый язык в современной лингвистике также выступает предметом исследований различных междисциплинарных областей. Эти исследования помогают глубже понять знаковую природу жестовых языков. В рамках исследования были рассмотрены научные работы из области когнитивной лингвистики и нейробиологии. Когнитивные исследования объясняют, как исполнение жестов в трехмерном пространстве помогает отобразить больше семантических ассоциаций с предметом, ведь в них кодируется гораздо больше значений кроме обозначения фонем в зависимости от контекста. Нейробиологические исследования отслеживают

работу мозга при использовании жестовых языков и доказывают то, что иконичные жесты вычлняются из памяти быстрее, чем жесты абстрактные.

В рамках практического исследования был проведен сравнительно сопоставительный анализ. Методом сплошной выборки были отобраны 20 слов конкретных существительных (эквиваленты русского и французского языка) и 20 слов абстрактных существительных (эквиваленты русского и французского языка). Целью данного исследования было выявление специфики в семиотической репрезентации конкретных и абстрактных существительных во французском и русском жестовых языках. Была поставлена гипотеза о полной иконичности жестов конкретных существительных и полной произвольности жестов абстрактных существительных.

При анализе жестов конкретных существительных было выявлено три способа их семиотической репрезентации: группа репрезентации действия, группа репрезентации визуального образа и группа интеграции репрезентации действия и визуального образа. В эти группы попали 18 жестов из 20. Большинство из них кодируются носителями жестового языка как репрезентация визуального образа (8 жестовых единиц), что говорит о том, что такие жесты высоко иконичны. В их основе заложены отличительные черты, которые ассоциируются с предметами, поэтому такие жесты легко поддаются декодированию. Следующая группа включает в себя жесты интеграции репрезентации действия и визуального образа (6 жестовых единиц). Благодаря их исполнению, можно выделить элементы, которые ассоциируются с отличительными визуальными чертами предмета, а также с действиями, которые совершаются предметом. Например, жест «ножницы» показывает, как и форму предмета, так и действие разрезания чего-либо. Такие жесты высоко иконичны, из них легко вычлнить смысл и в большинстве своём они совпадают со своими эквивалентами из других жестовых языков. Жесты, попавшие в группу репрезентации действия, менее иконичны. В них отсутствуют визуальные черты, которые ассоциируются со

словом. Однако, вычленив их смысл все равно можно, так как они кодируют в себе действия, с помощью которых можно понять их значение. Их интерпретация может быть оспорена ввиду того, что каждый человек понимает их мотивацию по-своему. Также среди 20 жестов оказались 2 жеста, которые невозможно декодировать («Мальчик» и “*Garçon*”). Они обладают высоким уровнем произвольности, что затрудняет вероятность их понимания. Внутренняя мотивировка этих жестов не считается. Данный факт опровергает нашу гипотезу о полной иконичности жестов конкретных существительных. В большинстве случаев это подтверждается, но, по мере развития жестовых языков, среди них появились такие жесты, которые вырабатывают высокий уровень произвольности. В нашем случае количество произвольных жестов конкретных существительных незначительно, 10% от 100 (2 жеста из 20).

При анализе жестов абстрактных существительных было выявлено два способа их семиотической репрезентации: группа репрезентации действия и группа репрезентации локализации. В эти группы также попало 18 жестов из 20. Самая большая группа включает в себя 13 жестов из 20, которые кодируются носителями жестовых языков как действие. В основе таких жестов иконичной чертой являются действия, которые совершаются предметом, или какие-либо процессы. Вероятно, в эту группу вошло больше всего жестов, потому что это характерно для абстрактных явлений, о которых у нас отсутствуют какие-либо визуальные ассоциации, поэтому они ассоциируются с действиями. Вторая группа репрезентации локализации включает в себя 5 жестов из 20. В них главным является положение ладоней относительно какой-либо части тела. Например, лицо, если жест относится к кодированию какой-либо эмоции или живот, если он напрямую связан с процессами, которые происходят во время того или иного явления. Также стоит отметить то, что некоторые жесты представляют собой жесты инициализированные, т.е. конфигурация ладоней в момент исполнения жеста складывается в форму фонемы, с которой начинается слово.

Инициализированные жесты могут распознаваться в своем значении быстрее, но только людьми знакомыми с дактильной системой национального жестового языка. Тем не менее, остальные компоненты жестов, попавших в эту группу, абсолютно произвольны. С помощью одной лишь локализации этих жестов, их декодирование является практически невозможным для незнакомого с жестовыми языками человека. Также были выявлены два жеста абстрактных существительных, которые не были определены ни в одну из групп. Они отличаются полной произвольностью («Бедность» и *“Pauvreté”*). Их внутренняя мотивировка визуально не считывается, что делает невозможным их интерпретацию.

Таким образом, наше исследование показало, что специфика семиотической репрезентации конкретных и абстрактных существительных русского и французского жестовых языков заключается в обладании данными жестами иконичными чертами. Такие жесты поддаются декодированию и вызывают точные ассоциации для понимания их смысла. Среди конкретных существительных количество таких жестов составило 90% (где 40% составляют жесты группы репрезентации визуального образа, 30% группа интеграции репрезентации действия и визуального образа и 20% жесты группы репрезентации действия). Оставшиеся 10% включают в себя два жеста конкретных существительных, которые не поддались дешифровке. Среди жестов абстрактных существительных различным уровнем иконичности обладает 14 жестов из 20, что составляет 70% из 100 (сюда относятся жесты группы репрезентации действия и один жест группы репрезентации локализации). Остальные жесты, составляющие собой 30% из 100, представляют большие сложности в их декодировании, либо не поддаются декодированию вообще ввиду того, что обладают высоким уровнем произвольности (4 жеста группы репрезентации локализации и 2 жеста вне выделенных групп).

Следует также отметить, что жесты конкретных существительных и абстрактных в обоих жестовых языках имеют тенденцию к фиксации какого-

либо действия, а порой даже целой динамически развивающейся ситуации. Количество таких жестов составило 17 жестов из 40 анализируемых. Это говорит о том, что жестовый язык выступает такой знаковой системой, которая использует свойство иконичности для формирования языковых знаков, кодирующих существительные как некоторый процесс, связанный с ними по образу подобия. В дальнейшем данное исследование может быть расширено путем увеличения количества анализируемых жестов и рассмотрения конкретных и абстрактных существительных в других национальных жестовых языках.

До сих пор изучение жестовых языков представляет собой узкий круг исследований, в которых остаются нерешенными множество вопросов об их внутреннем устройстве. Тем не менее, жестовые языки обладают высоким научным потенциалом как языки, ранее не входившие в круг интересов лингвистов. Вероятно, благодаря исследованиям познавательных процессов человека не только на материале звуковых языков, но и жестовых, научное сообщество придет к ряду новых представлений о знаковой природе языка, что поднимет лингвистику, как науку, на новый уровень.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беликов В.И. Жестовые языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 153 с.
2. Борисова Л.В. Лингвофилософские аспекты русского жестового дискурса // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. Вып. 4(12). С. 63–68
3. Валдавина С.Э., Посиделова В.В., Хорошко Е.Ю. Теория и практика русского жестового языка. М.: ДГСК МВД России, 2018. 174 с.
4. Выготский Л.С. Основы дефектологии. М.: Издательство Юрайт, 2021. 332 с.
5. Галиева Д.А., Науразбаева Л.В. История возникновения и распространения жестовых языков // Вестник Уфимского юридического института МВД России. Область наук: Языкознание и литературоведение. 2020. Вып. 89. С. 152–157
6. Гейльман И.Ф. Ручная азбука и речевые жесты глухонемых. М.: Коиз, 1957. 596 с.
7. Гейльман И.Ф. Специфические средства общения глухих: В 4-х частях. М.: Книга по требованию, 2021. 731 с.
8. Донских О.А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1984. 127 с.
9. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 192 с.
10. Калинина Л.В. Существительные конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные и их роль в отражении действительности // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Том 151. Книга 3. С. 240–246
11. Лаговский Н.М. Основы сурдопедагогики. М.: ЦИЗПО, 1931. 103 с.

12. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. М.: Издательство «Александра», 1992. 472 с.
13. Магировская О.В., Привалихина Е.С. Лексический уровень жестового языка как особая система номинации (на материале американского и русского жестовых языков) // Мир науки, культуры, образования. 2019. Вып. 4(77). С. 389–391
14. Моррис Ч.У. Основания теории знаков. М.: Акад. Проект, 2001. 702 с.
15. Пирс Ч.С. Принципы философии. Том 1. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 224 с.
16. Привалихина Е.С. Жестовый язык как особая система концептуализации // Siberia Lingua. 2018. Вып. 1. С. 114–121
17. Привалихина Е.С. Жестовый язык как предмет концептуальных исследований: проблемы, возможности, перспективы // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 37. С. 293–297
18. Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика. М.: Издательство «Наука», 1977. 263 с.
19. Раренко М.Б. Жестовые языки как полноценное средство коммуникации // Реферативный журнал института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Серия 6: Языкознание. 2021. Вып. 2. С. 83–91
20. Степанов Ю.С. Семиотика. М.: Радуга, 1983. 634 с.
21. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике: Пер. с фр./Общ.ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. 280 с.
22. Фёдорова О.В. Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция. М., 2012. 144 с.
23. Флэри В.И. Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способам образования самым свойственным их природе. Санкт-Петербург: тип. А. Плюшара, 1835. 306 с.

24. ARK MEDIA // YouTube [Электронный ресурс]. 2007. URL: <https://www.youtube.com/c/ARKMEDIA-SPB/featured> (дата обращения: 05.05.2022)
25. Atkinson J. et al. Testing Comprehension Abilities in Users of British Sign Language Following CVA // *Brain Lang.* 2005. 94(2). P. 233–248
26. Barber H.A. et al. Conceteness in Word Processing: ERP and Behavioral Effects in a Lexical Decision Task // *Brain Lang.* 2013. 125(1). P. 47–53
27. Caprici O., Bonsignori C., Di Renzo A. Signed Languages: A Triangular Semiotic Dimension // *Frontiers in Psychology.* 2022. 12. P. 1–15
28. Cincotta M., Ziemann U. Neurophysiology of Unimanual Motor Control and Mirror Movements // *Clin. Neurophysiol.* 2008. 119(4). P. 744–762
29. Clark H.H. *Using Language.* Cambridge: Cambridge University Press // *Journal of Linguistics.* 1999. 35(1). P. 167–222
30. Corina D.P., Knapp H.P. Psycholinguistic and Neurolonguistic Perspective on Sign Languages // *Handbook of Psycholinguistics.* Cambridge, Massachusets: Academic Press, 2006. P. 1001–1024
31. Cuxac C. La langue des signes française (LSF): les voies de l'iconocité. Ophrys, 2000. 391 p.
32. Cuxac C. Langue et langage: un apport critique de la langue des signes française // *La langue des signes. Statuts linguistiques et institutionnels.* 2003. 137. P. 12–31
33. Cuxac. C., Pizzuto A. Émergence, norme et variation dans le langues des Signes: vers una redéfinition notionnelle // *Langage et Société.* 2010. 131. P. 37–53
34. De L'Epée C.–M. *Institution des sourds et muets par la voie des signes méthodiques.* M. DCC. LXXVI Avec approbation et privilege du Roi, 1776. 132 p.
35. Descours P. L'histoire de la langue des signes française et de la langue des signes brésilienne: quelles influences pour les populations sourdes? Mémoire de Master. Linguistique, 2011. 63 p.

36. Desloges P. Observation d'un sourd et muet sur un cours élémentaire d'éducation pour des sourds et muets [Электронный ресурс]. 1779. URL: <https://www.litres.ru/desloges-pierre/observations-d-un-sourd-et-muet-sur-un-cours-elementaire-d/> (дата обращения: 10.01.2022)
37. Dudis P. Body partitioning and real space blends // Cognitive Linguistics. 2004. 15. P. 223–238
38. Emmorey K. New Perspectives of the Neurobiology of Sign Languages // Language Sciences. 2021. 6. P. 1–20
39. Emmorey K. et al. The Neural Circuits Recruited for the Production of Signs and Fingerspelled Words // Brain Lang. 2016. 160. P. 3–41
40. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge University Press, 1994. 190 p.
41. Fauconnier G., Turner M. Blending as a central process of grammar. 1996. 129 p.
42. Frishberg N. Arbitrariness and Iconicity: Historical Change in American Sign Language // Language. 1975. 51. P. 696–719
43. Grosjean F. Psycholinguistique et langue des signes // Langages, 13e année. 1979. 56. P. 35–57
44. Klima E.S., Bellugi U. The Signs of Language // Harvard University Press. 1979. 417 p.
45. Kulikova L.V., Shatokhina S.A. Sociocultural and linguistic contexts of the Russian Sign Language functioning in Krasnoyarsk krai // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. 13(3). P. 296–303
46. LeDicoElix // Dictionnaire de langue des signes française [Электронный ресурс]. 2012. URL: <https://dico.elix-lsf.fr> (дата обращения: 05.05.2022)
47. Magirovskaya O.V., Privalikhina E.S. Srmikian V.S. Specific features and patterns of conceptualizing the emotions and feelings in sign language (the case of the regional variant of the Russian sign language in the Republic of

Khakassia) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. 13(12). P. 1927–1936

48. McGarry M.E. et al. Picture-naming in American Sign Language: An Electrophysiological Study of the Effects of Iconicity and Structured Alignment // Lang. Cogn. Neurosci. 2021. 36(2). P. 199–210

49. Nos mains ont la parole // YouTube [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.youtube.com/@nosmainsontlaparole3182/featured> (дата обращения: 28.02.2023)

50. Pierce C.S. Scientific method. Collected papers of Charles Sanders Pierce. Vol. 7 / ed. by A.W. Burks. MA: Harvard University Press, 1994. P. 37–75

51. Poizner H., Klima E.S., Bellugi U. What the Hands Reveal about the Brain. Cambridge, Massachusetts, United States: MIT Press. 1987. 236 p.

52. Post M. et al. Reduced Cortical Activity during Maximal Bilateral Contractions of the Index Finger // NeuroImage. 2007. 35(1). P. 16–27

53. Romla S., Junus F.G., Nurul I. Les termes de parenté de la langue des signe // Conférence Internationale sur le Français. 2019. 14. P. 124–129

54. Russo T. A crosslinguistic, cross-cultural analysis of metaphors in two Italian sign language (LIS) registers // Sign Language Studies. 2005. 5(3). P. 333–359

55. Sehyr Z.S., Emmorey K. The Perceived Mapping between Form and Meaning in American Sign Language Depends on Linguistic Knowledge and Task: Evidence from Iconicity and Transparency Judgments // Lang. Cogn. 2019. 11(2). P. 208–234

56. Spread the sign [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://www.spreadthesign.com/ru.ru/search/> (дата обращения: 05.05.2022)

57. Stanford University // Stanford Language Center // Russian Language Program [Электронный ресурс]. 2000. URL: <https://language.stanford.edu/programs/russian/languages/russian> (дата обращения: 10.01.2022)

58. Stokoe W.C. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf // Studies in Linguistics. Occasional Papers. 1960. 8. P. 1–78

59. Taub S.F. Language from the body: iconicity and metaphor in American Sign Language. Cambridge University Press, 2001. 256 p.

60. Wilcox S. The phonetics of Fingerspelling. John Benjamins Publishing Company, 1992. 114 p.

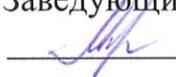
61. Wilcox S., Occhino C. Signed Languages // The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics. Vol. 7 / ed. by Barbara Dancygier. Cambridge University Press Publications, 2017. P. 99–117

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков и прикладной
лингвистики

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 О.В. Магировская

« 22 » июня 2023 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.02 Лингвистика

**СПЕЦИФИКА СЕМИОТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНКРЕТНЫХ И АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ**

Научный руководитель

ст. преп. каф. ТГРЯиПЛ
Е.С. Привалихина

Выпускник

А.А. Артемьева

Нормоконтролёр

А.А. Струзик

Красноярск 2023